

#2

ТИМ ВОЛКОВ

**АЛЬПИНИСТ
ПОКОРИТЬ СССР**

ТИМ ВОЛКОВ

**Альпинист. Покорить
СССР. Книга 2**

«Автор»

2024

Волков Т.

Альпинист. Покорить СССР. Книга 2 / Т. Волков — «Автор»,
2024

Продолжение приключений попутанца в СССР образца 1970 года.
Восхождение на Пик Победы во славу социализма близок, а проблем все
больше и больше, они растут как снежный ком. Как поступит Андрей
Герасимов? Откажется от рискованного восхождения или пойдет вперед,
несмотря ни на что?

Содержание

Глава 1. Гость	5
Глава 2. Командировка	10
Глава 3. Туман	15
Глава 4. Терскол	21
Глава 5. Снег	26
Глава 6. Гипоксия	32
Глава 7. Гость	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тим Волков

Альпинист. Покорить СССР. Книга 2

Глава 1. Гость

Кайрат Айдынович уехал из лагеря на несколько дней – то ли под предлогом важных дел не хотел мозолить нам глаза, уязвленный своим поражением, то ли и в самом деле появились какие-то важные и неотложные дела. На это время в лагере наступила идиллия.

Но только не для меня.

Прохода мне не давали разве что местные коты, которым было все равно какой я там рывок совершил – они, когда со столовой таскают сосиски, и не такие еще рывки совершают. Остальные же ребята только и шептались – герой.

Да какой к черту герой?

Хотя сначала было даже приятно. Все хвалят, по плечу хлопают. Даже гордость за себя появилась. Однако быстро надоело. Потом и вовсе стало раздражать. Дошло до того, что пришлось даже отдельно заниматься, чтобы ежеминутно не просили показать еще раз этот самый рывок Нестерова. А к третьей стенке и вовсе выстроилась нескончаемая очередь тех, кто хотел повторить мой трюк. Количество шишек и ссадин увеличилось в эти дни втрое, и фельдшер грязно ругался матом, выглядывая из окна кабинета.

Но были и положительные моменты.

В эти три дня отсутствия Кайрата Айдыновича вдруг увеличились и развлекательные мероприятия для нас, словно даже администрация выдохнула, почувствовав отсутствие надзорщика.

В первый день приехал какой-то скрипач, вроде бы известный, но мне абсолютно незнакомый. Играл на удивление здорово. Во второй привезли выставку редких минеральных камней и куратор выставки – старый седой профессор, – долго и с упоением рассказывал про экспонаты. На третий день и вовсе пик счастья – привезли кино. Но показ назначили на вечер, чего мы с нетерпением сегодня и ждали.

Костарев на тренировках не появлялся и на некоторое время тоже пропал из виду. Володька, встречавший его пару раз в коридоре казармы, сказал, что тот был поникшим и каким-то потерянным. Еще бы! Чуть не разбился.

Зато Молодов активизировал свои силы и заставлял всех по несколько раз кряду проверять страховку, повторять виды узлов, рассказывает очевидные правила, какие нужно соблюдать перед и во время восхождения.

Характер тренировок тоже изменился. Тренер сказал, что на Победе сравнительно мало скал, поэтому важно умение ходить по крутому льду, а также выносливость. Подъемы на стенки практически прекратились и основное время мы просто бегали на длинные дистанции с различными отягощениями, до изнеможения. Кто-то из ребят сказал, что это просто отговорка – на самом деле Молодов просто не хочет рисковать и пускать нас на высоту, из-за эпизода с Костаревым. Так ли это было на самом деле я не знал. Но тренировки с отягощением не радовали.

Мышцы и ноги, еще не успевшие отойти от испытания, болели неимоверно и под вечер гудели. Но я не жаловался.

Кайрат Айдынович вернулся внезапно на третий день. Был он весел, улыбался и даже подсвистывал себе под нос незатейливую мелодию. Мы украдкой поглядывали на него и предчувствие нехорошего зрело под сердцем.

– Что-то явно задумал, гад, – шепнул Костя, отворачиваясь.

– Небось, еще одно испытание, – ответил Володька.

Мы сидели в беседке, ожидая команды на обед.

– Слушай, Андрюха, а ловко ты... – начал Костя, но я перебил его.

– Не надо.

– А чего? Ты хоть сам понял, что сотворил? Рывок Нестерова...

– Если я хоть еще раз услышу это выражение, то просто закричу!

– Ладно, чего нервный такой? – смутился Костя. А потом задумчиво спросил: – Интересно, а какое кино сегодня показывать будут?

– Говорят, какой-то польский детектив, – ответил Володька.

– А я слышал от Мишки, который из пятой комнаты, что вроде комедия какая-то.

– Да какая разница? – отмахнулся Володька. – Лишь бы фильм хороший был.

– Любой фильм, даже плохой, лучше тренировок, – вздохнул Костя.

Володя хотел поспорить с этим утверждением, но вновь на улице появился Айдынович, выйдя из управления. К нему подошел Молодов, поговорил о чем-то. Вернулся задумчивый, но ничего не сказал, что только усилило нашу тревогу.

После обеда мы привычно разбрелись по комнатам. Кто-то отдыхал, кто-то читал книжку. Я же решил выйти на улицу и немного развеяться. Местный свежий воздух меня бодрил.

Пройдя к беседке, я расположился там. И вдруг увидел у проходного пункта знакомую фигуру. Пригляделся. Неужели показалось? На Дубинина похож. Да ну, откуда ему тут взяться?

Гость переговорил с охранником, двинул в лагерь.

Нет не показалось, это и в самом деле был Дубинин!

Он направлялся в административный корпус, но увидев меня, поменял маршрут и двинул в мою сторону.

Вид у тренера был не важный, помятый и, кажется, тренер перед тем, как тут появился, всю ночь пил, потому что лицо было опухшим, небритым, а глаза красными.

– Как вы сюда попали? – спросил я, после того как мы поздоровались с ним. – Ведь это же закрытая территория?

– Для меня открытая, – хмуро ответил Дубинин. – У меня пропуск зеленого уровня.

Спрашивать в лоб о цели визита было неудобно, но сильно хотелось.

– А вы...

– Андрей, хотя бы ты меня послушай! – вдруг с жаром воскликнул Дубинин, схватив меня за плечи. – Все это, – он махнул рукой на лагерь, – машина по убийству людей!

– О чем вы?

На мгновение мне даже показалось, что Дубинин не в себе. Не отошел от ночи попойки? Возбужденный, нервный. Что-то с ним явно не так.

– Никто не вернется. Ты это понимаешь? С Пика никто из вас не вернется. Все, кто пойдет – там и останутся.

– Успокойтесь, – попытался утихомирить я тренера.

Но тот вспылал.

– Да ты, сопляк, совсем ничего не понимаешь?!

Я не стал с ним спорить. Просто промолчал. Дубинин понял, что нагрубил, пробурчал:

– Извини.

– Вы пришли сюда, чтобы...

– Чтобы убедить этих остолопов отменить все это, – закончил за меня Дубинин. – Да, я не начальник какой-то, не важная шишка. Но ведь разум то у них есть! Они должны прислушаться к голосу своего разума! Ведь это и в самом деле убийство, иным слово назвать все это мероприятие я не могу. Есть правила совершения восхождений, подписанные в министерстве спорта, утвержденные. Понимаешь? И эти правила вырабатывались годами, в том числе

– на основе анализа несчастных случаев в горах. Их нельзя нарушать – на то они и правила. А кто их нарушал – пополнил собой ту самую статистику аварийных восхождений, в том числе – летопись погибших в горах... И в них, в этих правилах, четко написано – что при восхождении на вершины выше 6900 метров категории 5Б необходимо предварительно совершить восхождение 5А на вершину выше 6900 или 5Б на вершину 6500 метров. Какие у вас у всех категории? Точно не 5А, это я знаю. А у кого из вас есть высотные пятёрки? Нет таких в нашей секции... Да и обычных пятёрок, кавказских, нет. А у кого у Вас есть высотный опыт выше 6900? Тоже – ни у кого... Как они смогут вам категорию поднять дать этот опыт за один сезон? Да вообще... Никак!

Мне сложно было что-то на это ответить и пока я подбирал нужные слова, к нам тихо и незаметно подошел Кайрат Айдынович.

– Товарищ Дубинин, вы все не успокойтесь?

– Я главное пытаюсь до вас донести, – обернувшись, устало ответил тот. – Восхождение слишком опасно для подростков!

– А кто сказал, что будет восхождение? – хитро прищурившись, произнес Кайрат Айдынович.

– Что вы имеет ввиду? – растерялся Дубинин. И с надеждой спросил: – Неужели вы все же отменили восхождение?

– А мы вообще не говорили, что будет восхождение.

Кайрат Айдынович откровенно издевался над нами.

– Ничего не понимаю, – прошептал Дубинин. – Тогда зачем везти всех в спецлагерь? Зачем тренировать? Зачем отрывать от школы?

– Вы, товарищ Дубинин, вполне соответствуете своей фамилии. Вам следует внимательно читать документы, которые вам дают. Вы знакомы с Постановлением Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР за номером семнадцать дробь три?

– Нет.

– Так ознакомьтесь.

Кайрат Айдынович вытащил из внутреннего кармана свернутый лист бумаги, протянул Дубинину. Тот взял документ, развернул его и принялся внимательно читать.

Я осторожно глянул из-за спины, но слов не разглядел. Увидел лишь, что написана там всего пара абзацев.

– Но это же бред! – выдохнул Дубинин, отрывая взгляд от документа. – Чистой воды бред!

– Не следите вы за своими словами, товарищ Дубинин. Опасно это, очень опасно. Какими словами важных людей обзываете. Посмотрите, кто подписал документ. Видите? Ну вот. А вы – «бред». Раньше бы за такое... в общем, по головке бы не погладили.

– Это подмена понятий!

Кайрат Айдынович скривился, принялся объяснять словно маленькому:

– Вы, товарищ Дубинин, говорили, что восхождение альпинистов с недостаточной категорией на высоту выше 6900 метров запрещено? Это верно и правильно – запрещено. Правила я знаю, и мы их неукоснительно соблюдаем. Только вот восхождения не будет. Об этом и написано в Постановлении. Будет совершен высотный марш комсомольцев. Напомните мне, пожалуйста, товарищ Дубинин, в этих ваших Правилах есть запрет на совершение маршей выше 6900 метров?

– Нет, – одними губами прошептал Дубинин. – Про марши там ни слова...

– Ну вот и отлично! А значит все, кто пройдет отбор, пойдут маршем комсомольцев на Пик Победы. И никакого нарушения Правил, о чем вы так рьяно тут нам рассказываете.

– Так ведь я же... да какая разница как это назвать? Да хоть «маршем», хоть «походом», хоть «плясками»! Суть одна. Что, маршрут от смены названия мероприятия – легче станет? Или с вершинного гребня снежные карнизы исчезнут? Лавины перестанут сходить? Или моло-

дые организмы лучше высоту переносить станут? Вы ведь детей на верную погибель отправляете!

– Перестаньте! Прекратите! – рявкнул Кайрат Айдынович. – А не то я позову охрану, и вас живо отсюда вышвырнут!

– Да пошел ты! – сквозь зубы произнес Дубинин.

– Глупо, – ледяным тоном произнес его собеседник. – Очень глупо с вашей стороны.

Кайрат Айдынович злобно зыркнул на Дубинина и пошел прочь, оставляя нас в скорбном молчании. Направился он напрямиком в дежурку, к охраннику.

– Ты понял, что они сделали? – спросил Дубинин словно бы у самого себя. – Они подменили понятия, чтобы обойти правила. Не «восхождение», а «марш». И все. И правила уже не действуют...

Из дежурки выскочил охранник. Кайрат Айдынович указал ему в нашу сторону.

– Вам нужно уходить, – сказал я Дубинину, но тот и сам понял это.

Хлопнув меня по плечу, сказал на прощанье:

– Береги себя. Я знаю, что у всех вас есть мечта покорить мир. Стремись к мечте. Но помни, что иногда лучше от мечты все же отказаться, чтобы остаться в живых. Пик Победы – особая гора... Он не прощает ошибок.

Подошел охранник, но Дубинин не дал ему даже сказать, буркнул:

– Ухожу я.

И двинул на выход.

Я проводил его взглядом, думая о сказанном. Было двойное ощущение. С одной стороны, я был возмущен такими словесными играми. С другой стороны, меня охватила какая-то юношеская беспечность (видимо, из-за пьянящего чистого воздуха и гормонов молодого тела), и я продолжал хотеть покорить Пик Победы.

Размышления мои прервал чей-то голос.

– Герасимов ты? – спросил паренек, подойдя ко мне.

Я видел его раньше, но близко не был знаком, даже имени не помнил. И зачем ему понадобился вдруг?

– Ну я.

– Держи. Передали.

И протянул мне свернутый клочок бумаги. Я насторожено взял его, осмотрел. Простой тетрадный лист в клетку, ничего особенного.

– А кто передал? – спросил я, поднимая вновь взгляд на парня.

Но парня и след простыл.

Я огляделся. Что за игры в шпионов?

Развернул бумажку. На ней мягким женским подчерком было написано:

Предложение сходить в кино еще в силе?

И больше ничего.

Но больше ничего и не нужно было. Я все понял, и сердце мое забилося быстрее.

Леся! Она тут, в женском лагере. Это бесспорно. И она каким-то способом узнала, что я тоже прошел отбор и нахожусь здесь. Мало того, она каким-то чудом умудрилась передать мне послание.

Я вновь и вновь перечитал записку. Кино тут будет только одно – вечером привезут фильм и начнут показ. И скорее всего показ будет совместным, потому что крутить два раза на два лагеря не будут из-за продолжительности фильма – начнут в семь у нас, а значит, второй просмотр для второй группы будет не раньше девяти. А это уже нарушение режима. На это не пойдут. Значит один показ. Совместный. И значит, мы сможем встретиться с Лесей.

Я улыбнулся. Со стороны, наверное, выглядело глупо, но мне было пофигу. А потом рванул в комнату. Нужно было принять душ – от меня пахло потом. Выгладить бы еще одежду. Да и чистое что-то поискать нужно. Не охота выглядеть перед Лесей неопрятно. А еще нужно подумать насчет подарка. Хотелось удивить девушку. Впрочем, в кино, где будет несколько сотен глаз, да еще и охрана вряд ли получится долго говорить с Лесей. Но это и не важно. Главное, что я увижу ее.

Однако планам моим не суждено было сбыться.

В коридор вошел Молодов, крикнул:

– Информация для всех. В семь часов – отбой!

– Так рано?! – начали возмущаться все. – Обычно в девять ложимся. Ну совсем же детское время!

Я тоже принялся возмущаться, потому что были у меня на вечер совсем другие планы, гораздо интереснее сна.

Но Молодов был неумолим.

– Отбой в семь. И точка.

– Но ведь сегодня кино...

– Кино отменяется, – отрезал Молодов.

Эта новость вызвала еще больше возмущения.

– Ничего не могу поделать – указ высшего руководства, – пожав плечами, произнес Молодов, и мы поняли, кто был инициатором этой отмены. – К тому же завтра вам понадобятся силы. Мы отправляемся в командировку.

– В какую командировку? Куда?

Молодов окинул всех загадочным взглядом, от которого нам стало не по себе. А потом негромко ответил:

– Мы отправляемся на Эльбрус.

Глава 2. Командировка

Зачем идете в горы вы? Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово!

Слова известной песни крутились в голове и все никак не хотели уходить. Действительно, зачем на Эльбрус идти, если он и с самолета прекрасно виден? Впрочем, я был не против туда и сходить. Но не так скоро! Не так варварски, что ли, вмешиваясь в мои планы. На этот вечер у меня были абсолютно другие дела. Я хотел встретиться с Лесей.

Но Молодов был другого мнения.

– Именно, в командировку на Эльбрус. Поэтому все мероприятия отменяются, кроме единственного – собрать вещи и как следует выспаться. Завтра предстоит сложный и долгий путь.

– А женский отряд летит? – не смог сдержаться я.

Молодов глянул на меня, едва заметно улыбнулся. Ответил:

– Не знаю. Там у них свой тренер, и какие ему поступили распоряжения, я не ведаю.

И потом, вдруг став предельно серьезным, добавил:

– По периметру лагеря сегодня усиление. Не вздумайте в самоволку уйти. Как в прошлый раз не получится. Сейчас стрелять будут.

– Стрелять?! – воскликнули мы разом.

– А вы от Айдыновича чего-то другого ожидали? Ну ладно, стрелять может в вас и не будут, по залп в воздух в случае чего точно организуют. Так что без глупостей у меня тут. Сидеть в казарме и не высовываться. Предстоит первый выезд, очень серьезное мероприятие. Там, на Эльбрусе, уже и важные люди собрались – перед ними тоже нужно отчитаться о проделанном этапе работы. Так что не подведите. Без озорства, без дурачества. Предельно сосредоточено.

– А почему именно на Эльбрус? – спросил кто-то из парней, за что тут же получил множественные упреки за глупый вопрос. – Нам же на Пик Победы нужно?

– До Пика Победы еще очень и очень далеко. Сейчас – тренировки. А Эльбрус – это отличный полигон. В этом месяце там много снега, что нам нужно. Спасательные работы, вытаскивание условного пострадавшего из трещин, ночное восхождение, подъем, спуск по снегу и фирну и прочее – очень хорошо там это все отрабатывать. Этот опыт вам сильно пригодится при подъеме на Пик Победы.

– При марше, – заметил кто-то совсем тихо.

– На самый верх пойдем, – проигнорировав замечание, продолжил Молодов. – По точкам походим, по южному склону. Заодно посмотрю, как вы в группах работаете.

У меня было двоякое чувство. С одной стороны, конечно же хотелось попасть на Эльбрус, я его никогда раньше не видел. С другой – встретиться с Лесей тоже было большое желание. Однако судьба или рок вновь вмешивались в мои планы.

Сбор рюкзака был не долгим, взяли только самое необходимое. Молодов сказал, что одежду и прочее выдадут в новом лагере.

А потом отбой. И никакого сна, хотя я и старался уснуть. В голове словно в густом киселе плавали мысли: о новой жизни, о горах, о девушке. И совсем немного – о прошлом. Вновь вернулось это странное ощущение нереальности, словно все происходит не со мной. Мысли сплетались, путались, трансформировались во что-то совсем уж необычное, и я не заметил, как уснул.

Пробуждение было ранним.

Громоподобный голос возвестил:

– Подъем!

И по комнатам тут же стало топтать множество ног, сдирая с нас одеяла.

Помимо самого Молодова к нам в казарму зашло несколько солдат и под их молчаливые хмурые взгляды мы собрались гораздо быстрее.

– Погрузка на машины – и в аэропорт, – скомандовал один из солдат.

Из лагеря нас вывезли на двух крытых машинах, практически автозаках, от чего настроение и без того упадническое, стало скорбным. Однако, когда мы приехали в аэропорт и увидели самолет, на котором нас должны были доставить до нужной точки – огромный, красивый Ан-10, то настроение поднялось.

Ребята оживились, стали обсуждать предстоящий полет. А когда дали команду рассаживаться, то вовсе раззадорились и Молодову пришлось даже нас успокаивать.

Наконец, все заняли свои места. Утробно загудели моторы самолета, и мы вскоре уже были в небе.

Всю дорогу летели под рассказы Молодова, которого пробило на словесный поток. Вся его молодость прошла у подножия Эльбруса, и он с теплым трепетным чувством сейчас об этом вспоминал.

– Да я на Эльбрусе... с молодых лет... Посчитать, пальцев не хватит на руках... Каждый участок знаю, каждый отрезок, каждый маршрут...

Молодов мечтательно закрыл глаза, вспоминая былые деньки.

– А сколько восхождений? И с большими группами, и с малыми. Но раньше, конечно, не так все было, как сейчас. Это сейчас там все обустроено, все удобства. А раньше.... Да вот даже телеграф взять.

Молодов растянулся в довольной улыбке.

– Стояло такое угрюмое серое здание, покосившееся сильно. И не работал никогда. Там персонал с трудом понимал, что нужно делать. Технически не грамотный. И телеграммы отправлялись только экстренные. Других не принимали. А отправлять нужно на базу три весточки за время похода – в начале, в середине, и в конце. Это закон. Информировать базу обязательно, родных, чтобы не волновались. Бывало, сунешься к старой той телеграфистке, тете Армине, чтобы отправить весточку, а та злая как собака, с порога, только услышит про поход и горы – тут же гонит.

И придумывали мы разное, что-то вроде шифра, заранее договорившись с базой. Сначала «бабушка тяжело заболела, дали пять таблеток». Это означало, что пятого выходим на маршрут. Потом «бабушка продолжает болеть, руки сильно побелели». Это значит, что поход продолжается согласно плану, но выпал снег. Ну а потом уже и гробим бабушку: «померла, тридцатого хоронить». Это значит, что поход успешно завершен, возвращаемся тридцатого числа обратно. Так мы этих бабушек за все время столько схоронили! На нас уже эта тетя Армина без жалости не смотрела. Потом и вовсе опасаться начала – чего это у нас все болеют и мрут, уж не заразные ли мы?

Молодов рассмеялся. Было видно, что теплые воспоминания молодости греют его.

– Всякое бывало в походах, на восхождениях... Вспомнить – на книгу хватит.

– А какой план у нас на Эльбрусе будет? – спросил Володька, что-то тщательно конспектируя у себя в тетрадке.

Я сидел рядом с ним и украдкой заглянул из-за плеча. Володька составлял распорядок дня, расписывая его буквально поминутно.

– В первую неделю отрабатывать различные приемы будем, о которых уже говорил.

Сперва на высотах до трёх с половиной тысяч. Акклиматизируемся, выйдем на четыре двести, там ночёвка. На следующий день штурм. Выйдем часа в три ночи, поднимемся и спустимся. Часов десять займет это дело. Посмотрим, на что вы способны. Это вам не по стенкам ползать.

При этих словах он глянул на меня, и я на мгновение увидел в его взгляде укол зависти. Молодов тоже много раз пробовал совершить известный трюк Нестерова, но все в пустую.

Длился этот холодный взгляд одно мгновение, и я вскоре принял это все за наваждение. Показалось.

План получался понятный.

– Только осторожней будьте на высоте, – улыбнувшись хитрой улыбкой, произнес Молодов. – Алмасты бойтесь.

– Кого? – спросил Володька, оторвав взгляд от тетрадки. – Алмасты?

– Верно. Алмасты, ударение на последнем слоге. Так местные жители называют одно существо... Говорят, оно живет в расщелинах Эльбруса. Больше двух метров ростом, все лохматое, шерсть рыжая, руки длинные, почти до колен, а ноги – ну вот мою и твою вместе поставить, и то меньше будут.

– Сказки! – категорично произнес Костя.

– Кому сказки, а кому и... – Молодов не договорил, оставив многозначительную паузу, из которой стало понятно, что он знает больше, чем говорит.

Это еще сильнее подогрело наше любопытство. Мы в один голос начали просить:

– Расскажите! Расскажите про алмасты!

Молодов отмахнулся.

– Да я же в шутку!

– Нет, утаиваете что-то, расскажите! Ну чего вам стоит? Все равно еще долго лететь, а делать совсем нечего.

Моторы самолета мерно гудели, в иллюминаторах белели облака, закрывая собой весь обзор. Делать и в самом деле было нечего, и Молодов сдался.

– Хорошо, расскажу. Только имейте в виду, что официальной наукой существование йети не доказано.

– Но и не опровергнуто! – тут же ввернул Костя.

– По одной из версий это потомство одичавших людей, выживших в лесу или выкормленных зверями. По другой – предок человека, некое недостающее звено в эволюции.

– А может быть, и существа из параллельных миров, – добавил я, вспоминая какой-то старый фильм с Рен-ТВ.

Все удивленно глянули на меня. Такую версию явно никто еще не рассматривал.

– Может быть и так, – осторожно кивнул Молодов. – В общем, многие альпинисты его видели. Но мало кто признается в этом. Кто-то списывает на игру теней увиденное, кто-то на усталость.

– А вы? Вы видели? – не унимался Генка.

– Видел, – после долгой паузы ответил Молодов. – Еще в молодости. Хотя, после стольких лет уже и не понятно, где правда, а где игра воображения. Сейчас даже до конца и не уверен я в правдивость произошедшего.

– Расскажите!

– Друг у меня был, Серега Акентьев. Мы с ним на Эльбрус решили пойти без подготовки – такие молодые были и бесстрашные. Дураки, одним словом. Вещи собрали, маршрут проложили. Пошли. Три с половиной тысячи бодро взяли, погода помогла. Палатку разбили. Перекусили, спать собрались уже. И даже вроде задремали, как слышим – дышит кто-то. Тяжелое такое сопение, с присвистом. А за палаткой тьма – хоть глаз выколи. И холод. Выйдешь – и верная погибель. Не найдешь обратно дороги. А там ходит кто-то, реально топает, снег под ногами хрустит. И дыхание такое... До сих пор вон «мурашки» по рукам бегут, как вспомню.

Молодов замолчал. Было видно, что этот рассказ не приносит ему удовольствия. Но нас было не остановить. Мы хотели знать все детали до единой.

– А потом? Что потом? Вы не вышли из палатки?

– Не хотели выходить, – кивнул Молодов. – Но гость непрощенный продолжал дышать. Ходить. К тому времени он приблизился к нашему лагерю и бродил кругами, словно пытаюсь

понять кто мы такие и что делаем в его обиталище. Страшно нам тогда было как никогда прежде. Серега говорит, что как ни крути, а отогнать зверя надо – мы к тому времени сами себя убедили, что это какой-нибудь зверь, может быть, волк или еще кто. Хех, на такой-то высоте! Но мозги тогда не работали совсем. Да такая версия даже лучше была, спокойней стало. Ведь волк это – сами себе говорили мы, – не какой-то йети или другое существо. Простой волк. Почти как собака. А собака – это друг человека. Вот какие фортеля разум испуганный выдает!

Молодов нервно хихикнул.

– А потом? – совсем тихо спросил Володька, тоже заинтересовавшись рассказом.

– Насмелились выйти. Вдвоем. Взяли ледорубы, фонарик. Выползли. А метет – с ног сбивает. Тьма такая, что кажется руку протяни и сожми кулак – сок потечет, какая она концентрированная. Фонариком светим, а он эту тьму пробить не может. Посмотрели по сторонам. Да только что толку? Ничего не видно и не слышно. И только следы на снегу...

Молодов судорожно сглотнул. Потом развел руками, демонстрируя размер следа. Вышло сантиметров пятьдесят.

– Вот такие.

Я хотел в шутку упрекнуть его, что не бывает таких следов, но увидев глаза Молодова, промолчал, поняв, что тот не шутит.

– И ведь не след от протектора ботинка. Голая лапа. Ямка от пятки, боковое углубление, пальцы. Косолапый такой след. Мы как его увидели, едва в разные стороны не рванули. Серега меня тогда за локоть схватил. Ох, если бы не он, я бы точно рванул куда глаза глядеть. И не сидел бы сейчас с вами тут. Так вот вам урок – никогда, ни при каких обстоятельствах, на горах не паникуйте. Это верная смерть. Схватились мы тогда друг за друга и стоим. Оторопь взяла. Ветер в лицо снег швыряет колючий, стегает, словно бы говоря: «зайдите в палату, а то замерзнете». И только мы в себя пришли, собрались обратно к себе в убежище, как видим...

Молодов замолчал. Он с трудом подбирая слова, чтобы выразить увиденное.

– Во тьме этой колючей, кромешной, два огонька красных горят. Мы и не поняли сразу что это. Я подумал, что самолет пролетает или спутник. Ну откуда еще двум огонькам взяться тут? А они не движутся. Если бы самолет, то двигались бы. А они замерли. И на нас смотрят... Не сразу я сообразил, что это за огоньки такие. А когда понял, едва сознание не потерял. Это глаза. Его глаза. Алмасты. Он из тьмы на нас все это время смотрел, как мы, мелкие такие по сравнению с ним, с ледорубами хотим отогнать его. Смешно.

– Это йети был? – спросил Костя.

– Разные у него названия есть. На Кавказе его алмасты называют, у нас – йети, кто-то эльбрусской девой кличет.

– Так это девка что ли?! – вытянулся в лице Костя.

– Что, решил подружку себе занять? – улыбнулся Володька и все рассмеялись.

– А я слышал, что вместо пальцев у него стальные альпинистские крюки. И если встретишь ее, то жди беды.

– Насчет беды не знаю, – пожал плечами Молодов. – Мы наутро вполне себе хорошо и удачно поднялись на запланированную высоту и так же удачно спустились, без приключений. Правда другой мой знакомый рассказывал, что тоже видел алмасты, который вроде как звал его куда-то. Говорит, словно гипнозом его прошибло, еле сдержался. А утром глянул на то место, куда его существо звало и расщелину там обнаружил. Говорит, если бы ночью пошел, точно бы провалился и упал. Так что будьте внимательны. Помните, что горы – это место, где возможно все. И я сейчас не только об мистическом и страшном, а том, что любую кажущуюся невозможной преграду или путь можно пройти. Главное верьте в себя, не теряйте самообладания и все у вас получится. О плохом главное не думать.

– Как же тут не думать, когда вы таких историй понарасказывали! – пробубнил Костя.

Молодов рассмеялся.

– Да ладно тебе, поверил, что ли?

– Так это не правда?

– Правда, не правда – какая разница? Тут штука в другом. Если боишься – лавины, снега, снежного человека, – то нечего тебе делать на горе. Понимаешь? Страх хуже всякой лавины или монстра. Подпустишь к сердцу его – и все, уже проиграл, даже на маршрут не встав. Понял?

Костя кивнул.

На вопрос о том, выдумка ли история про алмасты Молодов так и не ответил.

Самолет заходил на посадку. Мы не ожидали, что лагерь наш будет почти у самого подножия Эльбруса и потому прилипли к иллюминаторам, стараясь наглядеться на представшее чудо. Однако насладиться зрелищем не получилось – из хриплого динамика объявили, чтобы мы сели на свои места и пристегнули ремни. Пришлось повиноваться.

Посадка была мягкой. Едва спустили трап, как мы тут же высыпали на улицу и устались на гору.

Эльбрус встретил гостеприимно, поразив нас своей величественностью. Он нависал над миром двумя вершинами, Западной и Восточной, упираясь в небосвод. Пушистым воротником стелились по его заправку белые облака.

Первый взгляд – и схватило дыхание. Я смотрел на гору и не мог оторваться, ощущая себя совсем крохотным, практически песчинкой, которая по сравнению с этим седым старцем просто ничто. Эльбрус видел многое. Перед его умудренным взором проплывали сотни лет, как одно мгновение, сменялись эпохи и времена, а он по-прежнему оставался здесь, вечный, постоянный, бережно хранящий в молчаливой хмурости свои тайны.

На других ребят Эльбрус тоже произвел впечатление. И только Кайрат Айдынович визгливо ругался с пилотом, требуя от него каких-то смет и накладных.

Подкатил грузовик, куда мы сели. Мы отправились в лагерь.

Лагерь... слишком громкое название для того места, куда нас привезли. Одно старое деревянное и ветхое строение, бывшее когда-то, кажется, загоном для скота, да забор, такой же ветхий, едва стоящий – вот и весь лагерь.

Погода тут была иной и стоял пронизывающий холод. Я глянул на крышу лагеря и с радостью отметил про себя наличие там трубы. Печка есть – значит не пропадем. Как же я тогда заблуждался, назвав представшее перед нашими взорами глиняное изваяние печкой! Рядом стояло ведро с чем-то смутно похожим на сухие коровьи лепешки. Видимо этим придется топить.

Все тут же принялись осматриваться, словно там, за пределами лагеря, были более уютные жилища.

– Далеко не убежите, – словно прочитав наши мысли, произнес Кайрат Айдынович. – Тут кругом дикие места. Так что советую за ограду вообще в одиночку не выходить – дикие кабаны и медведи точно мимо вас стороной не пройдут.

Айдынович взглянул на наручные часы.

– На сегодня у вас отбой, а с завтрашнего утра начинаем тренировки. Будьте готовы. По результатам этих испытаний мы отсеем еще половину вашей группы.

И Кайрат Айдынович в открытую посмотрел на меня, как бы говоря – я сделаю все, что ты попал в эту половину.

Глава 3. Туман

Мероприятие не мелкого масштаба, важность союзная, всякие постановления подписывают не кто-нибудь, Министры! А полевой лагерь у нас, пардон, без уборной. Точнее она есть, но на улице, идти приходится далеко, а по пронизывающему ледяному ветру делать этого совсем не охота. Те более, когда ближе к вечеру начинают выть волки.

Но уборная – это полбеды. Внутри лагеря оказалось много еще чего, что заставило нас, городских подростков, некоторое время возмущаться. Например, кровати. Они были сколочены из досок, лезвие рубанка которых никогда не касалось. По незнанию дела заноз в бок получил Артем, взобравшись на одну из таких кроватей. Печка. Она была в казарме одна и топить ее приходилось круглосуточно, потому что едва она тухла, как комната тут же выстывала.

– Ну что это такое? – возмущался Костя, подкидывая в огонь очередную лепешку. – Этим топить? Солома какая-то. Где уголь?

– Ты что, правда, не знаешь, что это такое? – улыбнулся Володька.

Костя вопросительно глянул на друга.

– Это – кизяк.

– Кизяк... – задумчиво повторил Костя, рассматривая круглый блин. – Глиняный что ли? А как тогда он горит?

– Уж лучше тебе не знать, из чего он сделан!

Костя пожал плечами, мол, как вам будет угодно.

– Это – дерьмо, – внезапно произнес Костарев с дальней кровати.

Все обернулись на него. После нашей последней встречи на стенке, где мы соревновались, он несколько изменился, стал хмурый, молчаливый, нелюдимый. Парни предполагали, что он затаил на меня сильную обиду. Я же думал, что он просто переживал насчет предательства Кайрата Айдыновича. Ведь они были хорошо знакомы, и парень искренне считал, что тот будет за него до конца. Но Айдынович повел себя как последний шакал, тут же, при случае попытавшись слить парня.

– Дерьмо? – удивленно переспросил Костя, явно не ожидая такого ответа.

Он принялся крутить кругляш, похожий на противопехотную мину, пытаясь понять – разыгрывает ли его Костарев или это и в самом деле так? Даже осторожно понюхал.

– Не пахнет.

– Потому что высохло, – буркнул Костарев.

И отвернулся, не сильно желая продолжать разговор.

Костя посмотрел на нас. Во взгляде были смешанные чувства.

– Он прав, – кивнул я. – Отходы жизнедеятельности крупного рогатого скота собирают, мешают с соломой, формируют в формы и сушат. Получается очень экономичное сырье для поддержания огня. С дровами. Как ты понял, тут туго.

– Да я лучше своей кроватью буду топить печку, чем этим! – воскликнул Костя, откидывая кругляш в сторону и вызывая бурный смех остальных парней.

– Чего ржем как кони? – в комнату зашел Молодов.

В руках у него был небольшой мешок.

– Рассказали Косте про кизяк, – пояснил Володька, вытирая навернувшиеся от смеха слезы.

– А что кизяк? – не понял Молодов. – Вполне хорошее топливо. Только вижу, что одна печка плохо справляется с холодом.

– Не то слово, – хмуро ответил Костя, вытирая руки о штанину. – Холод стоит собачий!

– Привыкайте. Считайте, что это тоже своего рода тренировка. Хотя, не так уж тут у вас и холодно. Мы, бывало, и не в таком холоде ночевали. У вас градусов пятнадцать будет, курорт практически. Но чтобы не кисли вот вам принес.

Молодов протянул нам мешок.

– Тут заварка и сахар. Чайник вон в том углу стоит. Сильно замерзнете – сварганьте чайку. Ну а вообще, мой вам совет. Сильно холодно будет – двадцать отжиманий. Поверьте, греет лучше всякого кипятка. Да не кисните вы, завтра нормальную погоду обещают, потепление!

И с этими словами ушел.

Мы тут же принялись ставить чайник.

Через некоторое время зашумела вода, вскипела. Мы бросили в нее горсть заварки, слегка переборщив, от чего чай получился крепким. Но это было даже лучше. С сахаром, обжигающе горячий, он прогрел нутро и уже стало не так холодно. Поболтали некоторое время ни о чем, потом принялись укладываться – завтра ожидался сложный день. Едва лег я на твердую неудобную кровать и укрылся колючим одеялом, как тут же уснул крепким сном.

За ночь с гор спустился густой туман. Здесь он был белым, ровным, напоминая молоко. Изредка в молочной пелене плыли чуть темные тени и казалось, что это призраки альпинистов, кому не посчастливилось (а может быть, повезло?) остаться здесь навсегда. Тишина сковала округу. Она была глухой, давящей, какая есть только в той деревянной коробке, откуда уже нет пути назад. Но никто не почувствовал ее – все спали.

Насчет сложного дня – это я как в воду глядел.

Подъем. Молодов дал команду вставать, но даже сквозь сон я почувствовал в его голосе звенящее напряжение. Поднявшись, я обнаружил, что что многие уже встали, но не одеваются, а рассеяно смотрят по сторонам.

– Что происходит? – шепотом спросил я Володьки.

Тот пожал плечами, и сам ничего не понимая.

– Ну нельзя же так! – возмутился кто-то.

– Так, тихо! – рявкнул Молодов. – Стройся!

– Не с той ноги встал? – предположил Володька, кивая на тренера.

Мы построились.

– Значит так, пацаны, – начал Молодов, оглядывая всех исподлобья. – Кажется, вы не совсем еще поняли, что происходит. Время шуточек закончено. Сейчас – очень важный этап наступает. Тут не место дурака валять.

– Что случилось то? – спросил Володька.

– А вот что случилось, – произнес Молодов и бросил принесенный вчера мешок на пол. Мы глянули на него, но ничего не поняли.

– Кто-то ночью не поленился, встал. И накрошил кизяка и в сахар, и в заварку. Это что, по-вашему, смешно? Вы такой чай пить собираетесь? С дерьмом? Ну тогда пейте. Я не осуждаю. Только вот себе в кружку заваривайте, а не в общий пакет с провизией портите. Кто это сделал? Я спрашиваю кто это сделал?

Никто, естественно, не ответил. Все удрученно смотрели на мешок с безнадежно испорченным сахаром. Потерю заварки еще как-то можно было пережить – Володька сказал, что на поле видел какую-то траву, которая тоже в чай можно добавлять. Но вот сахар... Его было не много, килограмма четыре, на такую большую ораву не разгуляешься. Но все же. Сахар – это энергия, так необходимая сейчас. И теперь она потеряна.

Мы глядели на мешок и видели, что кто-то постарался на славу, намешал в пакеты много кизяка, от чего белый порошок превратился в бурый и отделить его от мусора уже точно было нельзя. Вот ведь подонок!

– Костя, ты вчера кизяк тут швырял, – буркнул кто-то из строя.

– Да вы что! – с жаром воскликнул тот. – Думаете, я дерьмом продукты испортил? Вы за кого меня принимаете?!

– Признавайтесь, кто это сделал, – могильный голосом произнес Молодов. – Или я сам найду шутника.

И вновь молчание.

– Хорошо, не хотите по-хорошему, тогда будет по-плохому.

Молодов принялся ходить вдоль рядов кроватей, иногда останавливаясь, наклоняясь и внимательно изучая пол, сами кровати, тумбочки. Прошел одну, вторую, третью. Остановился у моей. Я не переживал, потому что знал, что это точно не я и ничего найти там не удастся. Но Молодов почему не пошел дальше, а остался стоять. Складка на его лбу становилась все глубже и больше, а взгляд холодел.

– Герасимов, – хмуро произнес тренер. – Подойди сюда.

Я подошел. А вместе со мной и все остальные ребята.

– Что на это скажешь?

Молодов отодвинул кровать, демонстрируя под ней горсть белого порошка и рядом с ней – заварку. По толпе прошелся ропот.

Сказать мне на это ничего не нашлось. Я даже потерял дар речи. Это была подстава. Топорная, безграмотная, но подстава. Такого я не ожидал и потому лишь стоял и хлопал глазами, глядя на обнаруженные следы.

– Да это же явно подстава! – воскликнул Костя. – Видно же. Ну зачем Андрюхе так старательно оставлять у себя под кроватью такую аккуратную горсточку сахара? Слово бы хотел нам сказать – смотрите, это я испортил продукты. Ну глупо же. Да и как он мог оставить улики? Это нужно было сначала чистого сахара и заварки по двум карманам спрятать, чтобы сюда перенести. А потом только дерьмо в пакет крошить. А потом что? Он из карманов сам себе под кровать две горсточки насыпал? Ну глупо же получается!

– А чего ты его защищаешь? – воскликнул кто-то из толпы.

– А потому что не он это! Я Андрюху знаю, он на такое не способен.

– А почему тогда следы у него под кроватью? – не унимался кто-то.

– А потому что подставили его! – не выдержав, закричал Костя.

– Тихо! – успокоил всех Молодов.

– Владимир Федорович, ну сами посмотрите на факты!

Молодов молчал. Он был угрюм. Я тоже молчал. Оправдываться и говорить что-то было сейчас бессмысленно.

– Согласен, – наконец произнес тренер. – Как-то криво смотрится. Ладно, вопрос остается открытым. А пока одевайтесь. Сегодня – без утреннего чая, по понятным причинам.

И ушел, оставляя нас одних. Кто-то похлопал меня по плечу, сказал:

– Не переживай, на тебя не думаем.

А кто-то, напротив, демонстративно отвернулся и ушел.

– Кому-то ты дорогу перебежал, – сказал Володька.

– Это Костарев, – прошептал Генка. – Точно он!

– Ему то какой резон? – спросил я.

– Обиду на тебя затаил – за то, что ты уделал его так.

– Вряд ли он, – покачал я головой. – Да и какая обида? Я ведь и сам стенку не прошел. Все по-честному.

– Да точно он! Кто же еще? Она сам как этот кизяк.

Я украдкой глянул на Костарева, который заправлял кровать, приводил себя в порядок. Выглядел он отстраненно и казалось, что его вообще не интересует произошедшее. Чай вчера, кстати, он тоже не пил, не заинтересовавшись им. Мог ли он так подставить меня? При всей нелюбви к нему, я сомневался, что это сотворил он.

– А кто вообще сказал, что это кто-то из нас сделал? – спросил Володька.

– А кто еще? Йети что ли? – улыбнулся Костя.

– А может и йети, такой вариант тоже отвергать нельзя, – совершенно серьёзно ответил парень.

– Ну ты как скажешь! У него лапа огромная, как бы он тут ходил? Да и стал бы так изощренно заметать следы, подбрасывать кому-то что-то? Сожрал бы нас, и да всех делов.

– А с чего ты решил, что снежный человек – это какая-то тупая обезьяна?

– А разве нет?

– Ну, если его не смогли до сих пор поймать, то думаю, интеллект у него имеется, причем не среднего уровня – так ловко избегать охотников.

– Да не йети это! – возмутился Костя.

– Ладно, шучу я с йети. Но думаю, это кое-кто другой сделал. Из людей.

– И кто же?

– Молодов!

– Чего?! – протянули мы одновременно с Костей.

– Молодов, – совершенно спокойно ответил Володька. – Вспомните, что он говорил.

– А что он говорил?

– Какие виды подготовки нас тут ожидают?

– Физическая, техническая, медицинская... – напрягая память, стали перечислять мы, загибая пальцы.

– А еще?

Дальше уже вспомнить было трудно, хотя список был длинный.

– Да не томи ты! – не выдержал Костя. – Говори! Начал опять театрала тут включать!

– Психологическая! – с победным торжеством ответил Володька.

– И чего? – не понял Костя.

– А того. Психологическая подготовка нас ожидает, а психология – наука тонкая, туманная. Вон как сейчас, за окном. Молодов ведь сам эту заварку с сахаром к нам приволок. А потом, ночью, сам и испортил.

– Зачем?!

– А чтобы посмотреть, как мы справимся с этим. Необычная ситуация, но вполне возможная в горах.

– Сомневаюсь я, что кто-то в горах сахар будет с дерьмом мешать. Если только от кислородного голодания крыша поедет.

– А с бензином смешается, который для розжига? – резонно заметил Володька. – Задача стояла простая: выявить слабые наши места, наши всякие там психологические слабости. Не знаю, как это правильно называется, но суть вы уловили.

– Уловили, – кивнул я, задумавшись.

Версия Володьки вдруг обрела вполне себе реальные грани и право на существование. А что? вполне себе неплохая тренировка, а заодно и способ для тренера посмотреть кто как поведет себя в такой необычно ситуации.

– Ну это как-то низко, что ли, – после паузы произнес Костя.

– А что, он тебя должен оберегать и по головке гладить? – ответил Володька. – Он – тренер. И как он достигнет своих результатов – это только ему решать. Он сам говорил, что игры закончились, настала пора серьезных дел. Вот и первое тебе испытание. Молодов и Андрюху проверил на устойчивость, и других тоже – на то, как они против своего товарища пойдут. И выводы соответствующие сделал.

– Ну... допустим, – нехотя ответил Костя. – И что теперь? Расскажем остальным?

– Не думаю, что это хорошая идея, – произнес я. – Предположение про Молодова – всего лишь версия. А что, если она ошибочная? Меня обвинил в том, чего я не делал, и ощущения

это, скажу я вам, не самое приятное. Так что не будем обвинять кого-то, пока у нас не будет железных доказательств. Сейчас пошли на тренировку.

Мы вместе со всеми остальными вышли на улицу. Там было прохладно, даже холодно, поэтому разминку все принялись делать с особым усердием, разгоняя кровь. Молодов тоже был в наших рядах, так же, как и все занимаясь. А вот Кайрат Айдынович суетился вдаль, у небольшого кирпичного домика, где стояло несколько человек, явно приезжих.

– Делегация, – произнес Молодов, увидев наши взгляды. – Те самые, которые примут решение кому проходить дальше.

Эта информация еще больше оживила ребят.

Я пригляделся к гостям. Их было трое. Один – коротыш, по которому сразу видно, что из кабинета входит крайне редко. Белое бледное лицо, похожий на вымя второй подбородок, толстые короткие пальцы, сжимающие на груди кожаный портфель. Лицо у него было красное, не привыкшее к морозам.

Второй – чуть выше, худой и жилистый, чем-то похожий на Кайрата Айдыновича, с таким же хитрым крысиным взглядом.

Третий – высокий, крепкий. Голова квадратная, челюсть квадратная и такой же квадратный ломаный нос. Под кустистыми бровями спрятались небесно-голубые почти детские глаза.

Троица была любопытная. Явно набор из разных ведомств.

– Вон каких кадров из партии прислали, – улыбнулся Молодов. – Все как на подбор.

Мы некоторое время смотрели, как Айдынович лебезит перед ними, улыбается, что-то учтиво отвечает. Только что чай не подает (а мог бы, особая заварка у нас уже имелась для него). Потом продолжили тренировки, уже не отвлекаясь на гостей.

– А маршрут какой будет? – спросил Генка. – Приют одиннадцати будет?

Приютом одиннадцати называли самую высокогорную гостиницу СССР, расположенную на юго-восточном склоне Эльбруса. Ее создал строитель первых отечественных дирижаблей, архитектор и альпинист Николай Попов. Визуально похожая на дирижабль, со скругленной крышей, чтобы противостоять мощным ветрам и штормам, она была мечтой всей нашей секции «Снежный барс». Еще бы, побывать в легендарном месте каждому охота!

– Будет, – ответил Молодов. – Имей терпение. Сначала – Пик Терскол. Немного отдыхаем – и топаем до ледовой базы. Там выше трех тысяч, поэтому ночевка. Весь следующий день – физнагрузка. Сидим на месте, отрабатываем работу на снегу – роем пещеры, работаем с вязким глубоким снегом. На третий день идем на Приют одиннадцати. Там продолжаем тренировки два дня. Отрабатываем работу на льду – движение на льду, страховку, бьем ступени и прочее. Потом группами идем на Седловину. Это пять тысяч, даже выше. Там тоже занятия. Потом – рывок на вершину. Итого цикл тренировок займет у нас неделю. Ну и посмотрим на свое состояние – готов ли организм к высоте?

– Горная болезнь?

– Она самая.

– А когда подъем будет? – спросил Генка.

– Не знаю, – ответил Молодов.

– Ну вам же должны говорить.

– Смеешься? – угрюмо спросил тренер. – Кто мне чего должен? Айдынович мне должен?

– Ну хотя бы примерно.

– Видишь туман какой? – кивнул Молодов на гору. – Что ты там увидишь? Ничего. На первой же тысяче метров заплутаешь и не туда зайдешь. Отправлять сейчас людей на гору – это смертный приговор. На дай бог еще на трупосборник зарулите.

– Трупосборник?

– Название говорит само за себя, – угрюмо заметил тренер. – Так разминайся. Пока туман – можно не бояться.

– Молодов! – крикнул Кайрат Айдынович, отойдя от делегации. – Сюда! Живо! Тренера аж передернуло. Он оглянулся, но идти не спешил. Айдынович, ругаясь, подошел сам.

– Чего стоишь?

– Не стою, – ответил Молодов. – Тренировку веду. Разминаемся.

– Это хорошо, что разминаетесь, – кивнул Кайрат Айдынович. – Это вам понадобится.

И весьма скоро.

– Что вы имеете в виду? – насторожено спросил Молодов.

– А то, – фыркнул тот. – От делегации указание поступило.

– Какое?

– Прямо сейчас собирать группы и вперед – покорять вершину. Эльбрус ждет вас!

Глава 4. Терскол

– Да это же натуральное убийство! – только и смог вымолвить Молодов. – Кайрат, ты в своем уме?!

– Хочешь поспорить с делегацией? – прошипел тот.

– Если надо – то поспорю. И объясню свою позицию, – тут же оживился Молодов. – Отправлять сейчас людей на гору, когда такой туман – это убийство. Нельзя этого допустить.

Тренер уже направился было к стоящим вдалеке высоким гостям, но Айдынович его перехватил.

– Куда ты собрался?

– Объясню им, что...

– Отставить! Приказы не обсуждаются. Велено собираться – значит нужно собираться, а не спорить. Понятно?

– Я не буду, – тихо произнес Молодов.

– Что не будешь?

– Не буду выполнять этот приказ.

– Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь, и какие это может принести последствия для тебя?

– Понимаю, – кивнул Молодов.

Лицо его посерело, а сам он вдруг ссутулился, словно из него достали все кости.

– Понимаю, но выполнять приказа не буду. Лучше сяду за непослушание, чем за убийство нескольких десятков подростков.

Кайрат Айдынович едва не метал молнии. Неизвестно, что бы произошло дальше, если бы к ним не подошел один из делегатов – тот самый, с квадратной головой и голубыми глазами. Он явно заскучал и потому решил выяснить в чем заминка начала подъема.

– Что происходит?

– Пытаюсь объяснить Кайрату Айдыновичу то, что отправлять группу на Эльбрус при такой погоде крайне опасно, – успел первым протараторить Молодов, воспользовавшись удобным моментом.

– В самом деле? – удивился делегат, поглядывая на него. – Кайрат Айдынович, это действительно так?

– Юрий Карпович, это несколько преувеличено...

– Преувеличено?! – почти выкрикнул Молодов, чем весьма сильно удивил делегата. – Это правда! Чистейшая правда! Нельзя ни в коем случае! Убьем всех.

– Давайте не будет так эмоционально реагировать на случившееся, – произнес делегат. – Восхождение нужно, мы ведь не просто так сюда приехали. Нам отчитаться необходимо выше.

Последнее слово он сказал с придыханием, полным уважения и трепета.

– Но и рисковать жизнями людей мы тоже не можем. Поступим следующим образом. Свяжемся с метеостанцией, получим прогноз. А уже от этой информации и будем плясать. Это вас устраивает, товарищ Молодов?

Тренер нехотя кивнул.

– Устраивает. Только я сомневаюсь, что...

– Сомнения оставим на потом, – перебил его Юрий Карпович. И кивнул Кайрату Айдыновичу. – Позвоните на метеостанцию, пусть дадут прогноз на день, на три дня и на неделю.

– Хорошо, – согласился тот и убежал.

Делегат глянул на Молодова.

– Я понимаю вашу обеспокоенность за детей. Мы люди далекие от спорта, тем более от альпинизма, некоторые моменты можем и не знать. Так что, если возникнут какие-то вопросы прошу напрямую ко мне. Договорились?

Молодов лишь кивнул.

– А насчет учеников ваших не беспокойтесь. Опасности подвергать мы их не собираемся.

– А весь это марш – это что тогда? – горько усмехнулся Молодов.

– Согласен, есть риск. Тем более Пик Победы – это сложная высота. Но на то тут и вы, чтобы минимизировать это риск. К тому же, насколько мне известно, следом за основной группой пойдет более опытная, для подстраховки, состоящая из опытных альпинистов.

– Они пойдут с разницей в один день, – сообщил Молодов. – А это достаточно большой отрыв.

– Ничего, – отмахнулся делегат. – Один день не так уж и много.

– Порой один день решает многое...

Через полчаса вернулся Кайрат Айдынович. Судя по довольной улыбке, новости он нес не самые приятные.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил делегат.

Кайрат Айдынович злобно зыркнул на Молодова, протянул бумажку делегату.

– «Дневной прогноз», – прочитал тот. – «Температура воздуха: минус два градуса, ветер слабый, 2 метра в секунду, северный, утром туман, днем – безоблачно». Та-ак... Прогноз на три дня... безоблачно... угу... на неделю... тоже все нормально.

Юрий Карпович глянул на Молодова.

– Ну вы зря так переживали. Видите, вполне хорошая погода ожидается.

Он протянул лист с прогнозом. Молодов взял его, внимательно перечитал.

– Вас устроит такая погода? – ядовито спросил Кайрат Айдынович.

– Если это действительно будет так, то да.

– Ну вот и отлично! – кивнул делегат. – Как только развеется туман – все на гору. Торчать здесь больше положенной недели в ожидании хорошей погоды у меня нет никакого желания!

Туман сошел в восемь, к этому времени мы уже были полностью готовы. Всех разделили на три группы, по пятнадцать человек. К каждой группе приставали сопровождающего из опытных альпинистов. Делили без фанатизма, позволив собраться самим. Я, Володька, Генка, Костя, Клим и еще несколько знакомых ребят составили первую группу. Костарев и его банда – вторую. Третья была набрана из другой спортивной секции. Молодов возглавил нашу группу, сообщив, что первая будет идти впереди, поэтому за ней нужен будет особый присмотр.

У каждой группы – рация. По ней обязательная передача всех данных – место положения, состояние идущих, погодные условия, корректировка маршрута, прочие вопросы. Эта информация поступала через связного делегатам – непосредственно Юрию Карповичу. Он лично отдал приказ сообщать ему обо всем.

– А я уж разберусь как с этой информацией поступить, – произнес он и мы поняли, что эти данные будут использоваться для отсеивания участников.

Первым пунктом, куда нам предстояло подняться, была площадка на отроге хребта, с громким названием «Пик Терскол».

До точки, откуда должен будет дан старт – старый аул, название которого никто из нас не смог правильно выговорить, – нас отвезли на грузовиках. Мы высадились возле целой россыпи сараев и хлевов. Молодов и остальные тренера несколько раз пересчитали нас, по рации доложили о готовности. Связист передал слова делегата Юрия Карповича: «Старт разрешаю».

Метеопрогноз не соврал. К этому времени туман и в самом деле рассеялся, и мы выдвинулись в путь.

Слово «Терскол» в переводе с балкарского означает «кривое ущелье», полностью оправдывая свое название. Ущелье в скором времени появилось. В его устье расположился небольшой поселок, мимо которого мы и прошли. Подъем предстоял не сложный, но долгий. К тому же опасный – дорога была плохой и любой неверный шаг или оплошность могли привести к печальным последствиям.

Наш лагерь, в котором мы разместились, находился на двух тысячах метров над уровнем моря. Подняться предстояло еще на километр. Три тысячи – ночевка. Это закон. Нужно посмотреть, как поведет себя организм. Бывало, что и на такой высоте начиналась горная болезнь.

Пик – неофициальное название. Как такого его вообще нет, это просто длинный отрог Эльбруса, ограниченный ущельем Гара-Баши и долиной Баксана.

Сначала группа наша шла молча – озирались по сторонам, любуясь красотами. Потом постепенно разговорились.

– Андрюха, я, конечно, жути нагонять не хочу, – начал Генка, воровато оглядываясь. – Но...

– Что?

– Ты рядом со мной держись.

– Это еще зачем?

– Ну как? Разве не помнишь, что сегодня утром произошло?

– Помню, – кивнул я. – Только не соображу, к чему ты ведешь.

– Какой же ты непонятливый! – раздраженно проворчал Генка. – У тебя есть враг. Видишь, как он тебя подставить хотел? Не получилось. Но только чует мое сердце, на этом он не остановится. Поэтому держись меня.

– Ты что, думаешь, что он...

– Мы не знаем кто этот гад. А может он среди нашей группы? Хотя вряд ли, тут вроде все свои. Но все равно нужно предполагать самые разные варианты. Вплоть до того, что в какой-то момент тебе и страховку перерезать могут.

Я хотел рассмеяться, но смех застрял в горле. Разумное зерно в его словах все же было, хоть и слабо я верил в такой поворот событий.

– Зря так скептически смотришь на меня, – продолжил Генка. – Если это Костарев продолжает гадить, то от него такого можно вполне ожидать. Ну, может быть, страховку и не перережет. Но вот толкнуть, пока никто не видит, куда-нибудь со склона вполне может. А там даже пикнуть не успеешь – полетишь на камни, и никто никогда не найдет.

– Костарев в другой группе, – заметил я.

– Ночевка на трех тысячах будет в одном лагере, так что не обольщайся.

И вновь пошли молча, думая каждый о чем-то своем. Я некоторое время еще мусолил неприятные мысли в голове. Но вскоре откинул их, любуясь округой.

Горы раскинулись широко и величественно. Покрытые морщинами лет и растительностью, они с каждым пройденным метром становились все скалистей, причудливей. Структура некоторых скал была необычной, похожей на шестигранники, и Молодов пояснил, что это лавовые столбы. Эти самые столбы появлялись на нашем пути, грозя перегородить его, словно наползая на тропинку, по которой мы двигались, и нам приходилось осторожно их обходить стороной.

– А мне тут парни знаешь, что рассказали? – шепнул Генка, вновь догоняя меня и воровато оглядываясь. – Про алмасты про этого много чего интересного. Пашку помнишь, который с соседней секции? Ну который у дальней стенки спит, с щелью такой большой между перед-

ними зубами? Ну вот, у него друг есть, Карим, в школу вместе ходят. Так вот у этого Карима отец служил с теми, кто на Эльбрус ходил. И они ему про этого алмасты тоже рассказывали.

– Долгий путь информация проделала, – улыбнулся я.

Но Генку это не смутило. Он продолжил:

– Алмасты – это на самом женщина. Ее эльбрусской девой называют. Безобразная вся, волосатая, с грудями чуть ли не до пояса отвисшими. Говорят, она похищает отбившихся альпинистов, утаскивает к себе в пещеру. Знаешь зачем?

– Чтобы съесть.

– А вот и нет! Думаешь, почему так долго ходит эта легенда про йети? Вот если бы он был один, то умер бы когда-нибудь. От старости или от болезни. Логично? Был бы когда-нибудь давно, ходил, ну увидели бы там его. А потом умер, и вместе с его смертью и легенда бы эта умерла. А не умирает. И знаешь почему? А потому что дева это насилует альпинистов мужчин.

– Думаешь, это вообще возможно? Ну чисто физиологически. Вряд ли у меня что-то там сработало бы по мужской части, чтобы процесс смог произойти, с учетом того, как ты описал деву эту эльбрусскую с грудями, отвисающими до самого пояса.

– А она гипнозом обладает! Морок наводит. Зыркнет глазами – а тебе и кажется, что перед тобой не чудовище, а красавица, каких не видывал.

– Да тебе то это откуда все известно?!

– Говорю же, что Карим...

– Его отца эта дева похищала что ли, что он со знанием дела так про гипноз и прочие вещи рассказывает?

Генка не нашелся, что на это ответить и лишь пожал плечами.

Тема йети не отпущала. Я слышал, как Володька стал тихо обсуждать с Костей снежного человека, потом еще кто-то обмолвился про алмасты. Но когда стали подходить ближе к водопаду Девичьи Косы, то разговоры постепенно прекратились.

Водопад отмечал половину пути, которого мы прошли. Еще оставалось столько же, а дыхание у многих уже было сбито. Дышать и в самом деле стало трудновато. Однако виду или тем более жалоб никто не выказывал. Все понимали – сейчас за ними следят тщательней, чем на медосмотре.

Мы постояли некоторое время перевести дыхание. Потом вновь начали восхождение. Холод тут стоял собачий, а ветер продувал насквозь. Но до самого мороза еще было далеко. Молодов предупредил, что на Пике, где будет организован лагерь для первой ночевки, уже будет снег.

До Пика Терскол добрались к трем часам, уставшие и измотанные. Снег и в самом деле тут был и морозец пробрал. Но вымотанные, разгоряченные, холод нам был только в радость. Хотелось еще лечь и немного полежать, дать ногам отдых. Но Молодов не спешил давать отбой. Группа начала разбивать палатки, а тренер с упоением принялся читать лекцию.

– Запомните самое простое, но в то же время и самое сложное правило. Ночёвка альпиниста должна быть безопасной. Комфорт, полноценный сон, удобство, тепло – это тоже важно. Но не важнее безопасности. Уж лучше поспать стоя – а на высоте и так иногда приходится, – но в безопасности, чем в комфорте, но под, скажем, конусом выноса. Тогда точно вечным сном уснете, в комфорте и удобстве. А что подразумевает под собой безопасность?

Вопрос повис. Все задумались.

– Ну?

– Недосягаемость от лавин? – робко предложил вариант Генка.

– Верно, – кивнул Молодов. – Оцениваем окружающие склоны на предмет лавинопасности. Вот прямо сейчас. Смотрим.

Все начали оглядываться.

– Вроде чисто, – пожал плечами Генка.

- Опять верно. Все чисто. Место тут хорошее, лавин точно не будет. Так. А еще что?
- Чтобы камнепада не было, – добавил Костя.
- Это тоже важно. Камнем по голове никому не охота получить. Так. Еще.
- Молнии! – Просиял Володька.

Кто-то с сарказмом хохотнул, но Молодов очень серьезно кивнул:

– Верно. Начнется гроза, лагерь может легко оказаться мишенью для молний. Ударит – мало не покажется. Избегать вершин, гребней, пиков. Если все же вынуждены ночевать там, то прячем все железо подальше – кошки, ледорубы, карабины и прочее. Они притягивают электрический разряд. Был случай у знакомой группы в шестьдесят третьем году. Пошли они на Казбек со стороны Дарьяльского ущелья. Да на трех тысячах их гроза застала. Остановились переждать. А один из группы взял по дурацки ледорубом махать – мол, тучам грозить, чтобы ушли скорей. Зачем так делал непонятно. Пани говорили конечно потом, что он суеверный был. Видимо и тогда хотел магию применить. Раз махнул, два. А на третий его молния достала. В руку вошла, через все тело прошла и из ноги в землю вышла. Даже откачать не успели, мгновенно изжарился, упал уже мертвый.

История произвела впечатление на собравшихся. Кто-то даже глянул на небо – не видать ли там грозовых туч?

– Так, еще какие факторы есть, влияющие на безопасность? – как ни в чем не бывало продолжил Молодов.

– Ветер, – ответил я.

– Точно. Ветер выдувает тепло, засыпает палатки снегом. В этом мало приятного. Да и опасно. Ночью приходится вставать и обметать палатку, чтобы в сугроб не превратилась.

Молодов окинул всех взглядом, улыбнулся.

– Осмотрите теперь наш лагерь и скажите, все ли в нем соответствует безопасности?

Все стали оглядываться, морщить лбы.

– Вроде все соответствует, – ответил Володька.

– А вот и нет, – еще шире улыбнулся Молодов.

– А что же тогда не соответствует?

– Вы все сегодня на обед гороховую кашу ели. Ночью не забудьте хоть иногда проветривать палатки, а то задохнемся, до Пика не добравшись!

Грянул смех. Пошловатый юмор был сейчас в самый раз, разряжая обстановку.

– Сейчас, на этой высоте, будем ночевать в палатках, – добавил Молодов. – А выше, на другой точке, будем рыть снежные пещеры и ночевать там. И вот здесь без шуток – проверять вход нужно обязательное мероприятие. Если ночью завалит вход, то можно просто-напросто задохнуться.

Повисла пауза.

– Но если все сделать по уму, то все будет в полном порядке, – успокоил всех Молодов. – А если вдобавок к этим правилам безопасности еще и отказаться от гороховой каши, то чистый кислород вам обеспечен!

Вновь загоготали.

Мне же было не до смеха. Я пристально вглядывался на соседний склон. Там, меж острых скал и ледяных торосов, промелькнула какая-то тень. Была она далеко и проскользнула быстро, тут же спрятавшись за гребнем, поэтому толком рассмотреть я ее не успел. Может это была игра моего воображения, подписанная историями про алмасты и йети, но я практически был уверен, что тень принадлежала существу, ходящему на нижних конечностях.

Над головой взвыл ветер, словно бы подтверждая самые мои плохие предчувствия. А потом тень появилась вновь, на этот раз гораздо ближе.

Глава 5. Снег

– Андрей! Ты чего задумался?

Это был Генка. Я невольно оглянулся, увидел друга, идущего ко мне с двумя дымящимися кружками.

– Ты как будто привидение увидел. Понимаю, я тоже устал с подъема. Давай лучше чайку хлебнем. Молодов наконец дал команду отдыхать.

– Да погоди ты!.. – отмахнулся я, вновь оглянувшись.

Но тень исчезла.

– Ты видел это?! Видел?! – почти закричал я, даже привстав с места.

– Что видел? – не понял парень.

– Там, за скалой... тень...

– Какая тень? О чем ты?

Генка принялся всматриваться вдаль. Но, конечно же, там ничего уже не было, существо, словно растворилось в воздухе.

– Не вижу никого.

– Там тень была. Человеческая. А может быть и не совсем.

– Как это – не совсем? Ты что, йети видел?!

Генка подсел ко мне, протянул кружку с чаем и едва я ее взял, схватил меня за запястье.

– Андрюха, рассказывай, что видел!

Меня охватило возбуждение. Я думал, что будут говорить безостановочно, но едва раскрыл рот, как понял – рассказать то особо и нечего. Кроме эмоций ничего толком и нет.

– Я оглянулся, а там промелькнуло что-то. Тень. Не рассмотрел, но общие детали... – я замолчал, пытаясь вспомнить образ. Образ расплывался и таял, словно сладкая вата в воде. – На нижних конечностях ходит.

– А морду? Морду видел?

– Нет, говорю же, быстро все произошло. В секунду просто. Я буквально краем глаза. Потом ты подошел, отвлек.

– Ну и хорошо, что отвлек, – кивнул Генка. – Практически спас! А если бы алмасты тебя гипнозом? И в нору утащил, чтобы того, род продолжить.

– Да ну тебя! – отмахнулся я. – Там йети настоящий ходит, а ты все хохмишь!

– Ты бы видел себя! – рассмеялся вдруг Генка.

– Чего? – не понял я.

– Ты правда подумал, что йети увидал?

– А что?

– Это вторая группа пришла. Вон, Костарев топает.

Парень указал в сторону. Там, на тропе, по которой мы пришли на Пик Терскол, и вправду кто-то шел.

– Вторая группа... – произнес я, разглядывая знакомые лица парней.

– Именно. Ты, наверное, кого-то из них и увидел.

Я вновь посмотрел туда, где заметил тень. Тропы для подъема там нет, места крутые. Кто же это из ребят мог пойти там по своей воле? Столько сил тратить зачем?

Все эти сомнения я хотел высказать Генке, но тот поднялся и пошел встречать парней.

Немного успокоившись и отойдя от первых эмоций, я вновь сел на свое место – плоский камень, – и отвлекся совсем на другие мысли. Отпивая чай, невольно подумал о том, что мешало бы в него пару ложек и сахара сыпануть. Потом вспомнился утренний эпизод с кизяком.

Я принялся поглядывать на пришедших ребят, пытаюсь понять, кто же мог меня так подставить. И никого, кроме Костарева в этой роли не увидел. Да, была малая вероятность какого-то мелочного завистника, кому оказался не по душе мой трюк с рывком Нестерова. Но я сомневался, что эта версия реальная.

Потом глянул на Молодова. Вспомнил еще одну версию, высказанную Володькой. Психологический тренинг... А что, интересная мысль. В наше время такие штучки весьма популярны. А были ли известны тогда, в Советском союзе? Молодов – тренер от бога. Знает многое, делится опытом щедро, обучать умеет. Но такой шаг с сахаром... Сложно представить его в такой роли.

А может быть, это Кайрат Айдынович? Вот этот может. Правда сыграно было не лучшим образом, грубо. Хотя, условия для идеально подставы были так себе. Темная казарма, едва ли что-то видно, плюс кто-то мог чутко спать. Возможно, просто спешил, поэтому так исполнил. В любом случае Генка прав – нужно быть осторожным.

Молодов ходил по лагерю, проверял количество людей, сверялся со списками. Когда через час пришла третья группа, вновь всех оббежал и только потом достал рацию и сделал подробный доклад на базовый лагерь. Также согласовал и отклонение от первоначального маршрута. Идти до ледовой базы решили послезавтра. Снега на Пике Терскол хватало вполне, чтобы провести несколько тренировок здесь.

Кайрат Айдынович что-то бухтел в динамик, но все же согласился с доводами Молодова, который этим решением преследовал всего лишь одну цель – выждать. Спешить в горах нельзя, и суеты высота не терпит. Тем более, когда есть хоть капля сомнения. Я видел, как Молодов тревожно поглядывает на небо. Утренний туман не давал ему покоя, хотя погода сейчас стояла великолепная и прогноз ничего плохого не предвещал.

Настала пора варить ужин. Это доверили Генке и Косте. Те охотно за это взялись, и уже через полчаса на горелке дымился котелок с густой аппетитной похлебкой. Мы поели, нахваливая поваров. Потом Молодов дал отбой. Пора было ложиться спать.

На разговоры не хватило уже сил, мы заползли в палатке и тут же уснули.

Следующий день предполагал физические нагрузки. После не самой лучшей ночевки бегать и прыгать ни у кого не было желания. А спали и в самом деле не шикарно. Твердая поверхность, холод, завывание ветра – все это сну не способствовало.

Особенно ветер. Здесь, на высоте, он был словно живой. Каждый раз, когда его протяжные печальные завывания разносились по округе, я просыпался. И каждый раз в голову приходила единственная мысль – там, снаружи, за тонкой гранью ткани палатки, где-то ходит та самая тень, которую я видел днем.

Йети? Нет, бред какой-то. Во все это я не верил. Не бывает на свете всех этих йети, лохнесских чудовищ, чупакабр, русалок, единорогов и прочей фантазий. Но... и вот это самое «но» заставляло трещать мои шаблоны и испытывать когнитивный диссонанс. Я ведь видел! Собственными глазами!

А что ты, парень, видел? Какую-то тень? Ни лица, ни тела толком не рассмотрел. Просто серое пятно. А может, это просто игра света? Или не вовремя разыгравшееся воображение? Вот когда морду волосатую увидишь, тогда и можно возвращаться к этому разговору. Если еще поздно не будет...

Генка тоже ворочался и стонал. Ему что-то снилось, явно не самое приятное.

Громогласный голос Молодова раздался часов в шесть.

– Подъем! Встаем, сонные тетери!

Все с бухтением начали вылезать из палаток.

– Прогоняем через себя кипяток, чтобы согреться – и на снег. Будем тренироваться.

Кипяток уже стоял на горелках – Молодов щедро натопил снега. Кто-то заикнулся про чай, но тренер тут же оборвал его:

– Чай по утрам вреден. Тем более перед тренировкой.

– Почему?

– Горло сушит. А вот кипятик – в самый раз. Все, оставь разговорчики. Пьем, приводим себя в порядок и встаем в строй.

Три группы встали в несколько рядов.

– Сегодня работаем с вязким снегом. Вчера вечером я недалеко отсюда нашел небольшую седловину – не ту самую, которая на вершине Эльбруса, гораздо меньше, – забитую снегом. Прекрасная возможность отработать кое-какие элементы. Так что давайте, дружно идем вперед!

Мы быстро собрались и двинули к месту тренировок. Топали не долго, седловина – низина, между двумя небольшими вершинами, – располагалась метрах в ста от места ночевки, была размерами в пару десятков метров и практически вся утоплена в снегу.

– Отличное место! – довольный собой, произнес Молодов.

По поводу вкусов тренера можно было поспорить, но силы никто не хотел тратить на пустые разговоры, понимая, что впереди – трудный день.

– Вот это, – Молодов поднял над головой ледоруб, – ваш основной инструмент на Пике Победы. А это, – он кивнул на снег, – то, с чем придется работать все время. Поэтому мы здесь. Я сделаю так, что ледоруб будет вашим продолжением руки.

Ребята принялись посмеиваться.

– Да мы знаем, что это такое! – крикнул Генка. – Ледорубом нас Дубинин научил пользоваться еще до первого восхождения, при подготовке к значку «Альпинист СССР».

– Повторение – мать учения, – Молодов принялся ходить из стороны в сторону. – В нашей работе важны два фактора, и каждый из них очень важен. Первый – это психологический. Соображать надо уметь быстро, ориентироваться, не поддаваться панике, уметь принимать решения. И второй – физический. Четкость движений, их сила, выносливость. Одно без другого не может быть использовано эффективно. И эти два фактора мы с вами и будем развивать.

– Опять начинает свои лекции, – шепнул Генка.

Но тихо сказать не получилось.

– Мои лекции, Геннадий, помогут тебе выжить на Пике Победы, – с нажимом произнес Молодов. – Если ты, конечно, пройдешь испытания.

Генка тут же замолк, сник.

– Итак, продолжим, – вновь оживился тренер. – Сейчас полчаса отработываем кувьрки на утоптанной снежной площадке. Затем – с ледорубом. Учимся не бояться ледоруба. Чего смеетесь? Знаю, что опытные, знаю, что ничего не боитесь. Но тренировка есть тренировка. Лишней никогда не будет. Так что вперед.

И наступили часы тренировок, изматывающих, долгих, тяжелых. Высота тоже налагала на все свой след. Было тяжело дышать, да и усталость наваливалась на плечи раньше времени, когда ее совсем не ждешь. Впрочем, привыкшим к такому был только я, потому что вновь ощутил что, что уже когда-то испытывал.

Старость. Это все сильно походило на старость. Сделаешь пару шагов – и уже отдышка. Махнешь ледорубом – и руки трясутся. Парни злились, а я лишь улыбался. Вот так, ребята, привыкайте, когда-то такой эффект будет ощущаться даже на равнине!

Терпели все. Домой никто возвращаться не хотел.

Прошли первую часть тренировок, отдохнули полчаса, начали вторую.

– Разбиваемся по двое, – приказал Молодов. – Идем по направлениям в седловину. Каждая группа отступает от рядом стояще шагов на десять-двадцать. Идем через всю седловину. Цель – научиться передвигаться по вязкому большому снегу.

Мне выпало идти с Генкой.

Мы начали спуск в седловину. Идти было сложно, ноги утопали в снегу, которого тут вскоре оказалось по самую грудь. Одному не пройти. Но в связке с товарищем удавалось продвигаться кое-как вперед.

Идущие с левой стороны Володька и Костя сильно взяли вниз, желая обойти глубокий снег, но совсем скрылись из виду. В какой-то момент в поле зрения вообще никого не осталось, и мы вдруг почувствовали неприятное чувство одиночества, вселенского, безысходного.

Оно было тут, на высоте, совсем другим, нежели на равнине. Там ты хоть и сидишь, старый пенсионер, в своей квартирке один одинешенек, но на подсознании все же понимаешь – выйди на улицу, и там будут люди.

А тут... Никаких соседей или прохожих. Ты один на один с горой, которая не слишком то и рада твоему присутствию в своем доме. Захочется ей тебя подмять под тысячами тонн снега – она это легко сделает. И никто никогда не найдет тебя.

– Это что? – спросил вдруг Генка, остановившись и приглядываясь.

– Снег, – ответил я, вытирая им лицо.

– Я про вот эти ямки.

Он кивнул в сторону.

Я присмотрелся, пожал плечами.

– Уже, наверное, ходил кто-то.

– Кто тут мог ходить? – прошептал Генка. – Тут мы первые пришли!

Я вновь глянул на ямку. Она была продолговатой, округлой, уже успевшей заветриться и чуть припорошиться новым снегом, размерами сантиметров в сорок длиной.

– Чего ты к снегу пристал? Давай до точки идти, пока Молодов не пришел, и орать не начал.

– Андрюха, это же след! – выдохнул Генка.

– Какой еще след? Чего ты опять начинаешь? Поиздеваться решил надо мной?

– Я не издеваюсь, – глянул на меня Генка и я понял, что он и в самом деле говорит серьезно. – Посмотри. Вот один. Вон там второй, в паре метров от него. Потом еще.

– Дальше нету.

– Верно. Потому что там ветром сильно занесло. Но если подойдем ближе, я просто уверен, что найдем углубление.

– И что? Йети? – скептически произнес я, хотя где-то в глубине души почувствовал легкий трепет и даже страх.

Генка не ответил. Судя по его испуганному лицу, ему вообще хотелось как можно скорее отсюда свалить.

– Ладно, хорош панику разводить, – сказал я, поняв, что если сейчас не замаять это все, то начнется полное безумие. – Это не след йети, а вмятина от куска плотного снега или эффект выветривания.

– Какой еще эффект выветривания?

Я и сам не знал, что это – придумал на ходу, – но с умным лицом сказал:

– Бывает так, когда в седловинах ветер дует. Поджимается с одной стороны, с другой, и узконаправлено бьет в снег. Вот и получаются такие «следы».

Это объяснение успокоило Генку. А вот меня не очень. Я в этих ямках по-прежнему видел следы.

Дальше пробираться по снегу стало вдруг гораздо легче – помог страх. И когда мы преодолели нужное расстояние, то оказалось, что мы пришли самыми первыми.

– Вот это я понимаю, воля к победе! – радостно воскликнул Молодов. – Молодцы!

Мы же с Генкой лишь молча переглянулись, понимая истинную нашу мотивацию и без слов.

Следующие тренировки проходили без эксцессов. Еще одна ночь в лагере была спокойной – все устали настолько сильно, что уже никакой ветер или даже ураган не мог нас разбудить.

А утром – подъем и поход до Приюта одиннадцати. Сложный маршрут, четыре тысячи метров и огромные испытания для организма. Поэтому забылось все отвлеченное и каждый из нас был сосредоточен максимально.

Молодов тоже был молчалив, поглядывал на небо, выискивая там тучи. Туч не было. Дул лишь ветерок, но с базы по радиации передали, что изменений погоды не предвидится.

Так же разбились на три группы. В первой мы. Первыми же и должны были выходить.

Привычный кипяток, правда на этот раз с какими-то травами, которые заварил Молодов, прогрели мышцы и тело, и мы двинули вперед.

И только теперь до конца ощутили весь смысл слов тренера про совместную работу двух факторов – психологического и физического.

На этой высоте кислорода меньше, организм устает быстрее. Поэтому так важна акклиматизация. Но даже ее порой бывает недостаточно.

Однако эти неудобства не могли нас заставить передумать идти. Напротив, все оживились, ведь сегодня предстояло пройти до легендарного Приюта одиннадцати.

Шли ровно, не торопясь, но и не замедляясь, держа удобный темп. Погода стояла отличная, но с боков начало натягивать белую пелену, полупрозрачную, похожую на фату невесты. Мы не обратили на это внимания.

А зря.

Следующие три часа белая пелена медленно то наплзала, то уходила, принося холодный воздух. Молодов сделал небольшую остановку, связался с базой уточнить погоду. Ему сообщили, что все в порядке.

Это немного успокоило нас, и мы продолжили восхождение. Половина пути была преодолена, что придавало еще больше задора. И даже усталость, накатившая на нас, не сбавила темпа.

Но на подходе к одному из торосов погода вдруг резко ухудшилась. Пелена, до этого лениво колыхавшаяся над головой, вдруг резко загустела, напустила на нас снега. А потом ударил ветер, мощный, яростный, сбивающий с ног.

– Чтоб тебя! – выругался Молодов.

Все произошло так неожиданно, что мы даже не поняли, когда именно произошло ухудшение – казалось, все случилось за мгновение.

Молодов остановился, махнул нам. Мы тоже встали. И только когда прекратили движение, вдруг поняли, насколько все серьезно.

Погода за секунды стала отвратительной. Пошел густой снег, а ветер принялся швырять его нам в лицо. Видимость резко ухудшилась. Седловина и пики растворились в белой дымке.

– Нужно возвращаться, – сказал я. – Погода ухудшается с каждой минутой.

И это казалось мне логичным. Впрочем, остальные парни тоже поддержали меня, хоть и с явной неохотой.

На наше удивление тренер был иного мнения

– Спускаться нельзя, – произнес Молодов после долгой паузы.

– Почему?

– Не успеем. Мы двигались в группах первыми, соответственно и прошли больше всех. Третья группа наверняка уже приняла решение вернуться назад, вторая тоже. И это правильно. Им будет быстрее возвратиться, чем продолжить путь. Но не нам. До Седловины осталось метров триста-триста пятьдесят. А если развернуться, то придется вновь пройти километр до лагеря. А при такой погоде... в общем, ты понимаешь к чему это приведет. Не хочу рисковать.

– Но ведь в Седловине точно такая же погода.

– Верно. Но там можно разбить лагерь и переждать непогоду. В такую метель лучше сидеть на месте, в палатке, чем топтать не помни куда, когда на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. К тому же там пики будут закрывать от ветра.

Логика в этом была. Если прикинуть, то до Седловины мы сможем добраться где-то за час. Плюс столько же чтобы разбить палатки.

– А что с прогнозом погоды? – спросил я.

– База передала, что небо чистое. Снежная буря, скорее всего быстротечная, с других Пиков надуло. Такое тут бывает. Полчаса, сильный снег, а потом все как было, ни облачка. Успеем добраться до Седловины и переждать снегопад с ветром там.

– Да хрен бы с ним! – вдруг резко произнес Костя.

Он выглядел неважно, лицо бледное, уставшее.

– Спускаться – это не подниматься. Лучше скатимся быстро вниз, чем переться наверх.

– Костя... – начал я.

– Да отстань ты! – рявкнул тот, чем весьма сильно удивил не только меня, но и других членов группы.

И только Молодов остался не возмутим.

Он глянул на парня, спросил:

– Сердце сильно бьется?

– Чего? – не понял тот.

– Дай, я проверю твой пульс.

– Нормально все со мной, – отмахнулся Костя. – Ладно, не хотите вниз, пошли вверх.

Буря крепнет, нужно успеть.

Молодов некоторое время пристально смотрел на Костю. Непростое решение и принять его нужно было как можно скорей. Выбор, от которого зависит многое. Очень важный выбор.

Тренер кивнул:

– Хорошо, пошли.

Как оказалось, это был неверный вариант.

Глава 6. Гипоксия

– Как... как база могла передать информацию про то, что погода будет хорошей? – шептал Костя. – Что же тут хорошего?

Я и сам задавался таким вопросом. Но не только это меня сейчас беспокоило. Тревожило и состояние Кости. Я знал парня больше тренера – все-таки учились вместе за одной партой, и на танцы ходили, и за девчонками бегали. Характер у Кости был не взрывной, смирный. Но сейчас...

Я видел, что друг явно не в себе. Нервный, злой. В принципе, его понять можно. Каждый из нас хотел идеальное восхождение – чтобы и погода была хорошей, и усталость не донимала. Но реальность сложилась несколько иначе.

Однако стоило из-за этого так нервничать? Всякое бывает. Тем более на высоте. Нужно быть готовым к этому.

– Костя, ты как? – спросил я парня.

– Погода дрянная, – выдохнул он.

Хотел сказать что-то еще, но не хватило дыхания. Воздух тут и в самом деле был не такой насыщенный кислородом, как внизу, каждое слово давалось с трудом.

– А что ты хотел? Чтобы солнышко светило весь подъем? – злобно сказал я и сам себя выругал за несдержанность. – Ладно, извини. Мне тоже тяжело. Но я терплю.

– А голова у тебя тоже кружится? – спросил Костя, глянув на меня. – Просто у меня кружится. Аж в стороны кидает.

– Голова кружится? – насторожился я.

– Да так, ерунда! – усмехнулся Костя, отмахнувшись. – Из-за голода, наверное.

– Нет, Костя, это не голод, – прошептал я, остановив друга. – Костя, у тебя горная болезнь!

– Да какая к черту горная болезнь?! Я... – он не договорил, вновь не хватило дыхания.

Костя долго и жадно ловил ртом воздух. Потом, вдруг крепко схватив меня, прошептал:

– Андрей, не смей!

– Что?

– Не смей никому говорить. Слышишь? Я справлюсь.

– Да ты же можешь...

– Это приговор будет для меня. Они снимут меня с маршрута, если напишут такой диагноз.

– Костя, горная болезнь...

– Это не горная болезнь!

Костя схватил меня за куртку, притянул к себе. Хотел что-то сказать, но лишь тяжело отдышался, а потом и вовсе закашлялся.

– Высотный отек легких – и смерть. Вот что такое горная болезнь, – попытался донести я до друга простую истину – Может быть, и отек головного мозга. В любом случае ничего хорошего не жди. И просто так это не пройдет. Нужно немедленно спускать его вниз. У нас очень мало времени. Костя...

– Андрей! – прохрипел тот. – Не смей. Я прошу тебя. Ради нашей дружбы.

– Ты действительно хочешь нашу дружбу на одну чашу с твоей жизнью поставить?! – возмутился я.

– Это не горная болезнь, – просипел Костя. – Это просто... отдышка...

– Костя! – к нам подошел Молодов.

Парень выдал из себя улыбку, но она получилась жуткой.

Тренеру хватило и одного взгляда, чтобы все понять.

– Костя...

– Я пойду дальше! – категорично заявил парень. – Я смогу! Я выдержу!

– Костя, у тебя развивается горная болезнь. Это не шутки! Это смертельно опасно!

– Владимир Федорович! – тон парня изменился. Теперь Костя едва не плакал. – Владимир Федорович, вы же понимаете, что это значит?

Молодов мог соврать; мог сказать что-то про обследование и дальнейшее восстановление организма, когда можно будет рассмотреть вопрос о подъеме; мог напелти про таблетки, которые помогут.

Но он этого не сделал.

Он сказал правду, горькую, но правду.

– Я понимаю, что это значит. На Пик Победы тебе не подняться.

Эти слова оглушили Костю. Он некоторое время непонимающе смотрел на Молодова, не смея что-то сказать в ответ, и лишь открывал рот, как выкинутая на берег рыба. С таким исходом он не мог смириться.

– Костя, нам нужно спуститься вниз, – сказал Молодов. – Мой промах, что не смог определить симптомов у тебя раньше. Но лучше поздно, чем никогда. Жизнь тебе спасем, не переживай. Главное сейчас – скорость.

Группа окружила Костю и это еще больше растревожила и без того нервного парня.

– Нет! – зашипел он. – Я не пойду вниз! Слышите?! Не пойду! Я поправлюсь! Честное слово, поправлюсь! Сейчас отдышусь, кипятка попью – и поправлюсь. Все будет хорошо. Это временно. Пройдет. Сейчас пройдет.

Молодов ничего ему не ответил. Повернувшись к нам, сказал:

– Идем все до Приюта. Потом разделимся на две группы. Одна останется на месте, вторая спустит больного.

– Я не больной! – возмутился Костя, но его никто не слушал.

– Пойдем от Приюта вниз, по другой дороге, прямой. Там есть первая очередь канатной дороги, что-то вроде маршрута эвакуации. Доберемся до нее, спустим парня вниз.

– Владимир Федорович...

– Это приказ, – жестко отрезал Молодов. – Не обсуждается. Пошли. Парни, подсобите ему.

Мы подхватили Костю с двух сторон, двинули в путь.

– Ты не переживай, сейчас чаем горячим отпоем и все пройдет. Бывало так, я читал, – принялся успокаивать Костю Генка.

Я же не стал понапрасну обнадеживать парня. В первую очередь, потому что понимал, что горная болезнь на такой высоте – это и в самом деле приговор. Все, что ниже четырех тысяч метров, да еще и после нескольких дней пребывания на Эльбрусе – по сути пустяк. И если воспринимается организмом так, то однозначно говорит о том, что этому человеку на Победе делать нечего – организм не принимает высоту.

Больше на горы ему не попасть.

Оставшиеся триста метров до Приюта добрались кое-как. Ветер швырял в воздух комки колючего снега, сбивал с ног и норовил все время прижать к земле или растащить по местности. Косте же с каждым шагом становилось хуже. Он задыхался, кашлял, хрипел. Уже не спорил – не было сил.

Хотелось немедленно развернуться и идти как можно скорей вниз. Но эти действия были продиктованы эмоциями. А эмоциям не место в горах. Тут нужно думать холодным разумом. И Молодов говорил все верно. Нужно добить высоту. И уже оттуда спускать Костю вниз, по прямой дороге.

Последние пятьдесят метров погода и вовсе как будто сбесилась. Пришлось несколько раз переждать порывы ветра. Но когда мы забрались на нужную точку и увидели вдалеке тот

самый Прият одиннадцати – похожее на дирижабль округлое здание, обшитое оцинкованными листами железа, – все стихло словно по мановению волшебной палочки.

Жаль, вдоволь налюбоваться легендарным строением не получилось.

– Генка, чаю сооруди! – приказал Молодов. – Володька, ты палатку-двускатку ставь. Остальные – помогать остальным и мне под ногами не мешаться.

Объяснять всем по два раза не пришлось. Мы довольно быстро поставили пару палаток, согрели кипятка, заварили чай.

– Костян, давай, хлебай. Горячее через себя пропустить надо обязательно. Легче станет, – сказал Молодов, протягивая дымящуюся кружку.

За последнюю фразу, да сказанную не кем-то, а тренером, Костя зацепился как за последнюю соломинку. Парень схватил кружку и принялся хлебать кипятком.

– Потихе. Обожжешься!

– Мне полегче... правда... – выдохнул Костя.

Молодов проверил пульс парня, покачал головой. По взгляду я понял, что легче не стало. Да и сам я видел лицо Кости, белое, похожее на маску призрака. Увидишь такое ночью – богу душу отдашь от страха.

– Свяжусь с базой, – тихо сказал тренер.

И вышел из палатки.

– Парни, – взмолился Костя. – Убедите... Молодова... что я... в порядке.

– Костя, да ты еле говоришь! – возмутился Володька. – Тебе вниз надо! У тебя горная болезнь. Умрешь ведь! Не шутки это!

– Нет, – отмахнулся тот. – Я ведь до этого... ходил с вами... в горы... и ничего...

– Какая там была высота? И какая тут. Давай, Костя, не суетись. Побереги лучше силы для спуска.

Эти Володькины слова задели парня, лицо исказилось в злобной гримасе.

– Я в горы хочу!

– Будем ходить, – кивнул Володька. – Но только высота будет другая. Сейчас – строго вниз.

– Другая высота? – злобно процедил Костя. – Это какая? На Каменку предлагаешь всю жизнь ходить? Нет, я на Победу хочу!

– Какая тебе Победа... – начал Володька, но я остановил его жестом руки.

Спорить сейчас бесполезно.

В палатку зашел Молодов.

– С базой связался. Они согласовали спуск. Сказали приступать немедленно. Володя, ты остаешься за старшего. Организуешь здесь лагерь, пережди плохую погоду. Провизии хватит. Скоро должна подойти вторая и третья группы – после того, как стихнет метель. Будете штурмовать высоту без меня, старшим останется на время штурма тренер из второй группы. Все понял?

– Понял, – кивнул тот.

– А мы с Андреем спустим Костю.

Молодов глянул на меня, как бы спрашивая – есть возражения? Я промолчал, хотя и не сильно хотел идти вниз. Я понимал, что штурмовать Эльбрус мне едва ли получится. По крайней мере, не в этот заход. А будет ли второй?

Но обстоятельства были такими, что спорить нельзя. Человеческая жизнь важнее амбиций.

Все это мое разочарование тренер без труда прочитал в моих глазах и потому добавил словно бы извиняющимся тоном:

– Я бы и один его спустил, но обязательно нужно вдвоем – на тот случай, если его придется транспортировать лёжа.

– Волоком потащите? – обижено пробубнил Костя.

– Да. Из двух ледорубов соорудим носилки, – невозмутимо ответил Молодов. – Но надеюсь, что до этого не дойдет.

Тренер некоторое время смотрел на трясущие руки Кости, на то, как тот стучит зубами о железную кружку. Сказал:

– Костя, ты уж извини, что я так, беспардонно, может даже грубо, но грех не воспользоваться уроком, коль такой случай... в общем, парни, смотрите, запоминайте как проявляется горная болезнь. Гипоксия, заторможенность, плохое или медленное выполнение команд.

– Я как будто обезьянка подопытная, – пробурчал Костя.

– Извини, пусть покажется это жестоким, но это важно. Для остальных важно, – ответил Молодов. И продолжил: – Если есть подозрение на горную болезнь – сразу проверяем показатели со стороны сердечно-сосудистой системы – гипоксия будет проявляться учащением пульса, более сто восьмидесяти ударов в минуту, увеличением артериального давления – это можно определить по силе пульсовой волны на запястьях, нарастанием одышки. Если указанные симптомы присутствуют, диагноз горной болезни можно ставить наверняка.

– У меня все нормально, – задыхаясь, ответил парень.

– Костя, дай пульс пощупать, – попросил Генка, но получив полный огня взгляд, замолчал.

– Также во время сна у заболевшего может наблюдаться патологическое редкое дыхание или так называемое «периодическое» дыхание, вызванное снижением уровня углекислоты в крови. Также психические нарушения, галлюцинации. Снижение углекислоты в организме приводит к уменьшению частоты вдохов во сне вследствие снижения активности дыхательного центра головного мозга, что еще больше усиливает гипоксию. Обычно это проявляется в виде приступов удушья или даже временных остановок дыхания во сне.

– Со мной все... в порядке... – Костя говорил с трудом.

– Все в порядке, – кивнул Молодов парню. – Все будет в порядке. Когда спустимся.

Тренер глянул на остальных ребят, сказал напутственно:

– Ребята, мы пошли. Оставляю вас и надеюсь на ваше благоразумие. Тут без озорства. Все серьёзно. Да вы и сами видите.

Молодов кивнул на белого Костю.

– Рацию оставляю вам – будете докладывать каждый час на базу о погоде и обстановке.

– А как же вы без связи? – спросил Володька.

– За нас не переживай, мы по ровной дороге пойдем, там все нормально будет, – и кивнул мне, – пошли.

Мы вытащили Костю, который слабо пытался отбиться от нас, двинули в путь. Ледовые заструги преодолели довольно быстро, чему способствовала не только относительно спокойная погода, но и сам Костя, переставший виснуть на руках и перебирающий ногами. А вот со скальными выходами и небольшими сераками – ледяными пиками и образованиями, – пришлось повозиться и обходить их стороной очень осторожно.

– Худшее, что может быть – это если ураганом повалит и вниз понесёт. Мордой об фирновые заструги приложит и потащит, до низу одни уши доедут, предупредил Молодов.

Выйдя на дорогу, про которую говорил тренер, нас вновь нагнал ветер. Засвистело и начало кружить, взметнулся вверх, упавший было снег. Пришлось сильно снизить скорость.

– Спуск займет часа четыре, – сообщил Молодов.

Потом глянул на Костю, уточнил:

– Может быть, и все пять.

Я крепче взял друга за руку и, готовый на долгий переход, двинул в путь.

Мы шли медленно, но темпа не сбавляли, даже когда ветер усилился. Видимость еще позволяла идти. Но я с замиранием сердца думал о том, что будет, если погода станет хуже? Молодов пессимизма не выказывал и шел уверенно, лишь изредка правя маршрут.

Горизонт то становился голубым, чистым, то затягивался белыми облаками, полными снега. Высоко над головой подвывал ветер. От этого нервы еще больше натягивались и становилось не по себе.

Через час или два прошли по ощущениям достаточно много. Костя молчал и лишь изредка что-то хрипел, кашляя и чертыхаясь. Мы с Молодовым тоже устали и пару раз делали небольшие привалы.

В один из таких привалов оживился Костя. Он начал морщиться, словно каждый шаг вызвал в нем приступы обжигающей боли.

– Владимир Федорович, меня нельзя вниз! – вдруг очень серьезным тоном произнес Костя.

– Почему? – не сдержался я.

– Я утону! – выдохнул Костя. – В земле утону!

Я непонимающе глянул на Молодова.

– При горной болезни иногда отмечаются временные изменения психики, – пояснил тот. – Кислорода мозгу не хватает, вот он и сбоят. Ничего, пройдет.

– Мне нельзя вниз! – вдруг истошно закричал Костя, чем вызвал наше удивление – откуда у парня вдруг появилось столько сил?

Правда, внезапный всплеск эмоций быстро закончился, Костя мешком повис на наших руках. Пришлось поднапрячься, чтобы тащить его дальше.

Но это продолжалось не долго. В какой-то момент Костя вновь очнулся, начал непонимающе оглядываться, смотреть на нас, на горы и округу. А потом вдруг зловещим шепотом прошептал:

– Ребята, я не пойду вниз. Тут меня оставьте. Прямо в снегу. Мне не холодно.

– Костя...

– Я не хочу. Извините. Так надо.

И вдруг выхватив из-за пояса ледоруб, наотмашь ударил им Молодова.

Прямо по голове.

Тренер охнул, упал. Я же успел увернуться от второго замаха, к тому же он был не такой сильный – всю мощь парень вложил в первый удар.

Выхватив ледоруб, я повалил Костю на снег. Хотел как следует наподдать, но этого не требовалось – парень был без сил.

– Твою мать! Костя, ты что творишь?! – но взывать к совести парня было бесполезно, глаза его жутко вращались в глазницах, Костя явно не понимал, что произошло.

В отличие от меня.

Я метнулся к Молодову. И в ужасе отшатнулся.

Тренер лежал на снегу, неуклюже раскинув руки в стороны. Голова тренера была пробита в районе виска, из раны текла темная густая кровь.

– Владимир Федорович! – подскочил я к Молодову.

Тренер не ответил, он был без сознания. По крайней мере, я на это надеялся.

Мертв? Или живой? Я потрогал шею Молодова, пытаюсь нащупать на сонной артерии пульс. Но ничего, кроме собственного оглушительного сердцебиения не почувствовал.

Ситуация была дрянной.

Хуже некуда.

Вдобавок ко всему на горизонте замаячила непроглядная белизна. К нам приближалась сильная метель, гораздо мощней всех тех, что мы уже ощутили на своей шкуре.

– Твою мать... – выдохнул я, глядя на свинцовые, полные тяжелого снега тучи.

Те, что похоронят нас в этой белоснежной могиле.

Глава 7. Гость

Снег слепил. Но было непонятно, откуда берутся солнечные лучи, которые он отражает – все небо заволочло тучами. Крапинки снега блестели остро, словно норовья уколоть взгляд, а белизна проникала даже сквозь закрытые веки, выжигая дочиста все мысли.

Порыв ветра придавил к земле. Я схватился за куртку Молодова и Кости – чтобы нас не растащило в разные стороны, и зажмурился, давая глазам отдохнуть. Дышать в такие моменты было еще тем заданием – воздух холодный, обжигает легкие, словно дышишь толченным стеклом. И даже сквозь специальную маску ловить ртом воздух было непросто.

Потом, когда чуть стихло, я натянул на глаза темные очки. Достал веревку и закрепил нас всех в одну связку. В такую погоду растерять людей – проще простого.

Ну и погода!

Вновь взвыл ветер, протяжно, жутко. А потом потащил меня в сторону. Я даже на некоторое время опешил, подумал, что меня схватило какой-то дикий зверь и пытается уволочь в берлогу. Но потом понял – это ветер. Веревка, привязанная к остальным людям, натянулась, не давая ветру украсть меня.

С трудом цепляясь за камни и ледяные торосы, делая упор ногами на них, я подполз к Молодову. Аптечка первой помощи находилась во внутреннем кармане куртки, но чтобы достать ее оттуда, понадобилось некоторое время.

– Потерпите, Владимир Федорович! – сказал я, но больше для своего успокоения.

Голос дрожал. А пальцы упорно не хотели слушаться.

Я с трудом раскрыл пакет с бинтом, подвинулся к Молодову ближе. Рана была страшной. Ледоруб пробил кость, и только чудом не задел мозг. Глаза тренера закрыты, дыхание... я понятия не имел, дышит ли он. Определить это сейчас, в таких условиях и в таком состоянии было проблематичным. Я мог лишь надеяться, что тренер еще жив.

– Андрей... – вдруг прошептал Молодов, от чего я едва не закричал.

– Все будет нормально, – выдохнул я, обрадовавшись. – Главное, что вы живы. Сейчас я вам сделаю повязку, и мы спустимся вниз.

Молодов, словно оценив такой план, едва заметно кивнул. И закрыл глаза.

А другого варианта и не было. Подниматься с двумя не ходячими людьми обратно наверх не получится, просто не хватит сил. Вызвать подмогу тоже – рация у первой группы. Сидеть на месте тоже не лучший вариант, неизвестно, сколько продержится метель. А с учетом того, что ни палаток, ни горелок с собой у нас нет, то можно легко остаться здесь навсегда, в виде трех ледяных фигур.

Нужно спускаться. И тащить двоих людей придется мне. Только как это сделать?

Пришлось импровизировать. Я решил связать людей на подобии состава поезда. Первым пойду я, что-то вроде паровоза. За мной вагон – Молодов. Второй – Костя. Главное в такой связке – тронуться с места. И самому умом не тронуться.

Скрипя зубами, я двинулся в путь.

Снег был в некоторых местах рыхлым, глубоким. До прочного льда не достать, поэтому приходилось заранее высматривать такие места и стараться не попасться в них. Правда, пару раз я все же забредал в ловушки. Тогда по Эльбрусу раздавался протяжный матерный крик, и приходилось долго выбираться из западни, тратя последние остатки сил.

Но не только рыхлый снег представлял опасность.

Спуск хоть и был пологим, в некоторых местах угол наклона рос и тогда мои «вагоны» начинали скатываться сами. Это помогало экономить силы, и возникал большой соблазн пустить их с горки.

Но в какой-то момент, когда транспортируемые вдруг покатались быстрее и едва не сбили меня с ног, я понял, что это опасно – можно разбиться о скалы, которые попадались время от времени по пути.

Воткнув ледоруб в снег, я остановил движение и аккуратно переместился чуть в сторону, чтобы избежать сильного скольжения.

Продолжил спуск.

Не так были бы мои дела и плохи, я бы справился с поставленной задачей, если бы не погода. Метель продолжала буйствовать.

Я останавливался, взглядывался вдаль – под сердцем зрело неприятное чувство, что от основной дороги я отклонился. Сказывалось отсутствие опыта, мерзкая погода с практически нулевой видимостью и обходы глубокого снега.

Спросить бы у Молодова, но последние метры он пребывал в обморочном состоянии и едва ли мог мне хоть как-то помочь. Поэтому пришлось полагаться на собственные органы чувств и чутье.

Я шел часа три. Может быть больше. Брел в белом урагане, уже едва ли что-то видя, проваливаясь в снег, увязая в нем по пояс, выбираясь из него, вновь проваливаясь. Дорога уже была не различима.

Я остановился, думая, что будет разумным переждать бурю. Но прошел еще один час, а метель все не утихала. Напротив, стала крепчать. Да и температура воздуха заметно понизилась. Я понял, что могу действительно тут замерзнуть, когда с трудом отодрал штанину от льда – она просто к нему примерзла.

Меня бил озноб, тело трясло от холода. Я замерзал, даже несмотря на то, что двигался. А каково сейчас было Молодову и Косте, которые просто лежали без движения я даже подумать боялся. Их нужно как можно скорей спустить вниз, пока они не отморозили себе конечности и воспаление легких не подхватили.

Белизна. И протяжный вой ветра, больше похожий на звериный. В какой-то момент разум мой начал рисовать необычные картины в этой белизне. В густом снегопаде виделись силуэты людей, домов, базы. Но сколько я ни шел, ни базы, ни людей не появлялось. Я понял, что разум пытается выдать желаемое за действительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.